

СТАРТ

Фантастический роман

1

Массивная дверь задвинулась медленно и бесшумно. Последний луч, и Ревский с Лоркой остались в полной темноте. Понадобилось время, чтобы глаза начали различать звезды над головой и ломаные силуэты сооружений. Земля ощутимо вибрировала под ногами, реагируя всей своей массой на работу механизмов большого телеинформара. Из-за этой вибрации казалось, что в воздухе стоит легкий гул, похожий на звук полета далекого шмеля.

Дорожка, едва видная при зыбком свете звезд, вывела их к ограде из кустарника, за которой начиналась нетронутая, чуть всхолмленная целинная степь. Ревский приостановился, оглядываясь вокруг, и спросил:

— Ведь лучше, чем в помещении. Чувствуешь?

— Чувствую, — без особого воодушевления согласился Лорка. — Зрю, внимаю, обоняю и осязаю. Ночь темна, пустыня внемлет богу, и звезда с звездой говорит. Холодновато вот только.

— Холодновато? С твоей-то фигурой?

— Чем больше фигура, тем больше потери на излучение. — Лорка поежился и глубокомысленно заметил: — Нет, вовсе не случайно слоны и бегемоты живут в Африке.

Ревский засмеялся.

— Но вообще-то я не возражаю, — поспешил добавить Федор, — гулять так гулять, потерплю. Да здравствует первозданная природа!

— Тогда пройдем подальше в степь, ждать придется не меньше часа.

Они ждали известий об угнанном «Вихре» и о Кике и прилетели на телеинформар, чтобы получить их из первых рук и тут же, на месте, принять решение о дальнейших действиях. Согласно данным слежения «Вихрь» несколько часов тому назад должен был выйти на кикоцентрическую орбиту. Что последует за этим?

Слежение за «Вихрем» в сильной степени облегчало одно загадочное обстоятельство, послужившее причиной споров не только между Ревским и Лоркой, но и другими, кто был причастен к кикианской проблеме. На угнанном корабле на протя-

жени всего полета исправно работали ретрансляторы телеметрической системы. «Вихрь» словно намеренно оповещал землян о своем маршруте. А ведь стоило нажать кнопку и выключить ретрансляторы, как корабль стал бы невидим через несколько суток после старта с Плутона. Лорка считал, что, афишируя свой маршрут, кикиане как умели и могли демонстрировали свое дружелюбие по отношению к людям и как бы предлагали последовать за собой. Ревский возражал: предыдущие действия кикиан, в частности угон корабля, уж никак не совместимы с дружелюбием. Он утверждал, что похитители корабля попросту не сумели детально разобраться в работе его систем и опасались, что выключение ретрансляции нарушит автоматику управления.

Миновав кустарник, Ревский и Лорка пошли напрямик, без дороги. Под ногами шуршали и похрустывали сухие осенние травы, пахло польностью и пылью. Закрывая звезды, угольными силуэтами тянулись к небу башни и мачты телеинформара. Плавню вращалась гигантская чаша центрального приемника. Это тягуче-замедленное движение было похоже на сонный взмах крыла огромной птицы. Вдруг высоко над телеинформаром сверкнула ослепительная рубиновая молния, осветив пугающим мрачным светом здания, антенны и степь от края до края. И тут же бухнул тяжелый удар: у-ум-м! Над степью поплыл густой, вязкий звук — сигнал начала связи телеинформара с космическими базами и станциями.

— И все-таки, — вдруг упрямо проговорил Ревский, видимо, в ответ на собственные мысли, — угон «Вихря» никак не сов-

«Старт» — продолжение большого фантастического романа, начальные главы которого под названием «Перед дальней дорогой» публиковались в № 5 и 6 «Искателя» за прошлый год.

Роман переносит читателя в далекое будущее. Экспедиция, которой командует космонавт Петр Лагута, открывает планету Кику. По результатам обследования Высший Совет дает согласие на организацию первого кикианского поселения. Но случается загадочное: переселенцы один за другим начинают умирать от паралича сердца. Поселение ликвидировали.

Чтобы разгадать тайну Кики, на Земле готовится новая экспедиция. Но со всеми космонавтами, кого назначают командирами экспедиции, происходят несчастные случаи. Что все это значит? Случайная цепь совпадений или что-то еще? Разгадкой тайны начинает заниматься профессиональный эксперт-социолог Соколов. С помощью главного компьютера Земли он устанавливает факт вторжения на Землю чужого разума. Но зачем таинственные некто пытаются сорвать экспедицию на Кику? Может быть, это вершится во имя блага людей?

Командиром экспедиции назначается опытейший космонавт-гиперсветовик Федор Лорка. Принимая все меры предосторожности, он готовится к отлету.

мещается с добрыми намерениями кикиан. Что бы там ни произошло при посадке!

— А если угон корабля для кикиан — жестокая необходимость, знать о которой нам пока не дано?

— А если у них появятся по отношению к нам еще более жестокие необходимости?

Лорка вздохнул.

— Кто знает? Собственно, чтобы это выяснить, мы и готовим полет на Кикю.

Ревский остановился так резко, что Федор, шедший следом, чуть не наскочил на него.

— Поэтому-то я и утверждаю, что экспедиция на Кикю должна быть рейдом в стан потенциального врага! А уж если повезет встретиться с друзьями, перестроиться будет нетрудно.

Ревский подождал, что ему ответит Лорка, но Федор молчал. Темная земля полого шла вверх. По ней, вслед за космонавтами, плыли слабые, но хорошо различимые тени. Лорка поднял голову. Кика! Далекая. Кика. Кто встретит там землян — друзья или враги? Для Лорки и Ревского это был отнюдь не абстрактный вопрос. От ответа на него зависел состав разведотряда и программа его действий. Но главное — состав! Ответа на этот вопрос не было, а стало быть, и разведотряда еще не было, хотя предварительные тренировки проходили больше сотни человек, в основном космонавты и ученые разных профессий. Из этой сотни предстояло отобрать пятерых.

Еще несколько шагов, и они оказались на вершине плоского, протяженного взгорка. Горизонт отпрыгнул вдаль, почувствовалось слабое дыхание ветра.

— Сядем, — предложил Ревский.

Когда Лорка опустился на землю, он добавил:

— Люблю степь.

— А почему живешь у моря?

Ревский ухмыльнулся.

— Любовь бывает разная. А вообще-то море и степь — близнецы. И тут и там простор и свобода. Мне кажется, что и пахнет-то степь свободой. И небом!

— По-моему, тут пахнет полынью и пылью.

— Не корчи из себя рационалиста.

— У неба совсем другой запах, — сказал Лорка с ноткой грусти и лукавства. — Оно пахнет работающим компьютером, кухней, очередными вахтами, внеочередными тревогами и тоской по родине.

Это было правдой, и Ревский невольно вздохнул, вспоминая бурные и счастливые дни работы в космосе. Впрочем, он тут же ругнул себя за сентиментальность. Мысли же его снова устремились по деловому руслу.

— Я еще понимаю тебя, Федор, когда ты возражаешь против участия крупных ученых, — миролюбиво сказал он. — В инопланетных условиях они всегда требуют сильного прикрытия и опеки. Проще говоря, возни с ними много. Но почему ты возражаешь против патрулей?

Лорка усмехнулся.

— Потому что они бойцы, воины.

— Что? — возмутился Ревский.

— Я хочу сказать, что они слишком уверены в себе и активны.

— Разве это плохо?

— Помнишь, я рассказывал тебе о Миклухо-Маклае? Он явился в чужой, таинственный мир папуасов, где было много жестокости, с открытым сердцем и без всякой подстраховки. Когда он первый раз без приглашения отправился в туземную деревню, то намеренно не захватил с собой оружия. Понимаешь? Намеренно! Он боялся сорваться, боялся, что в критической ситуации пустит в ход револьвер. Он считал: оружие и мирные намерения несовместимы.

Ревский долго молчал, прежде чем спросить:

— Ты считаешь патрулей оружием?

— А разве не с их помощью мы овладеваем чужими мирами?

— Мирами, где нет следов разума, — строго поправил Ревский.

— Верно, но от стереотипа действий не так легко избавиться. Патрули — солдаты космоса. Я боюсь, что в критический момент, когда нужно проявить терпение, даже смирение, они могут сорваться. И эту ошибку нам придется исправлять десятилетиями, принося такие жертвы, какие сейчас трудно себе представить.

— Почему ты раньше не говорил мне об этом?

— Я и сам не понимал ситуацию так ясно, как сейчас. Я возражал против патрулей чисто интуитивно. Кстати, и против ученых я возражал вовсе не потому, что с ними много приходится возиться. Ученые — ведь тоже своего рода солдаты космоса, воины.

Ревский захохотал.

— А это почему?

— Вспомни, как мы исследуем чужие планеты, в том числе и Кики. Просвечиваем атмосферу всеми видами излучений, производим для сейсмондажа взрывы в толще планеты, выполняем глубинные бурения, делаем лазерные разрезы грунта, отлавливаем и отстреливаем животных для своих опытов и коллекций, без раздумий уничтожаем туземную растительность в районах своих поселений. Ну разве это не варварство?

Ревский не мог не отдать должное логике Лорки. Умница этот рыжий черт! Незаметность, незримость присутствия кикиан на родной планете — веское свидетельство в пользу того, что они живут там в тесном и гармоничном единстве с природой. Тогда поведение земных исследователей действительно должно казаться им грубым, примитивным и варварским. Может быть, они и на Землю явились для того, чтобы выяснить, что собою представляют люди в родных пенатах, кто они такие на самом деле. И когда убедились, что по их меркам земляне ни к черту не годятся, отбросили всякую щепетильность, зацапали корабль и дали тягу. Теперь ему стала ясной идея мирного визита на Кики. Лорка не собирался вести активного поиска, исследований и экспериментов. Со своим разведотрядом он собирался просто пожить на Кике, деликатно обследовать планету и подождать. Если кикиане сочтут нужным, они сами пода-

дут о себе весть. И это разумно! Предшествующие активные поиски на этой странной планете ничего не дали. А в такой ситуации действительно зачем нужны в составе отряда патрули и крупные ученые, которые видят свое предназначение именно в активной деятельности? И все-таки логика логикой, но все существо Ревского протестовало против плана Лорки. Ему претит его пассивность и преднамеренная беззащитность!

— Ну а если кикиане наши враги? — уже вслух продолжал свои размышления Ревский. — Враги безжалостные и беспощадные, своего рода космические фашисты? Возьмут они тебя вместе с мирным отрядом тепленьким, выпотрошат психологически и интеллектуально, а потом используют эти данные в борьбе против нас. За такой промах, как и за бездушную агрессию, тоже можно дорого платить десятилетиями.

— Не преувеличивай беспомощность мирного отряда, доброта вовсе не синоним беззащитности, — возразил Федор.

Ревский примирительно сказал:

— Подождем гравитопосылки. Прояснится ситуация, тогда и примем решение.

Лорка не мог не улыбнуться. Да, оба они немного лукавили, декларируя свои крайние позиции. На самом же деле старались получить друг у друга авансы, были готовы на уступки и, самое главное, выжидали. Многие должна была прояснить посадка угнанного «Вихря» на Кику. Если кикиане знают об истинном назначении ретрансляторов и, так сказать, сознательно информируют землян о маршруте своего полета, то перед посадкой они все-таки выключат их, иначе антенны сгорят в плотных слоях атмосферы, нарушая, кстати, тем самым балансировку корабля. При преднамеренном выключении ретрансляторов будет выдана специальная команда конца телеметрии. И если станции слежения эту команду зафиксируют, можно будет гораздо увереннее говорить о мирных намерениях кикиан. Если же такой команды не будет, если «Вихрь» войдет в плотные слои атмосферы с работающими ретрансляторами, значит, кикиане просто не разобрались в устройстве корабля, значит, информация о маршруте полета — результат недосмотра, ошибки, значит, об их позиции нельзя сказать ничего хорошего.

— Подождем гравитопосылки, — согласился Лорка.

Темная степь, звезды, легкие, но ощутимые вздохи холодного ветра, сухой шорох трав. «Полночь. Звезды. Мрак. Луна. Неподвижность. Тишина», — почему-то вспомнилось древнее китайское стихотворение. Знатоки говорили, что особенно впечатляюще оно выглядит в иероглифах. Полнозвучные капли-слова, так близкие к реальному миру и так далекие от него. Мысли Лорки снова вернулись к спору с Ревским. Друг, враг?..

Суть в том, что, за исключением тривиальных случаев, врагами не рождаются, а становятся. Становятся! Общение с кикианами начинается на голом месте, нет еще ни истории, ни традиций, ни сложившихся обстоятельств. Значит, пока роль случая, просчета, ошибки колоссальна! Один неверный шаг, а за ним годы и годы вражды, недоверия и взаимных подозрений. Нет, уж лучше десять раз рискнуть своей головой и, что гораздо груднее, головами своих товарищей по отряду, чем

сделать такой шаг. Миссия мира — вот чем должна быть экспедиция на Кику.

Лорка не сразу отдал себе отчет в том, что мысли его постепенно становились все более вязкими и тягучими. А когда отдал, мгновенно насторожился. И почти сразу понял, что его уводило от спокойного философского размышления. Старые космические волки, побывавшие на многих чужих планетах, называли это явление «взгляд на затылке». Бесшумно выпрямившись, Лорка быстро оглянулся вокруг.

— Ты чего? — удивился Ревский.

— Рядом кто-то есть, — вполголоса ответил Лорка.

— Кто?

— Не знаю.

— Суслик, может быть, шакал?..

— Их бы я не почувствовал.

— Нервничаешь?

Лорка не успел ответить. Беззвучно всколыхнулась степь, вздрогнул темный прохладный воздух.

— Гравитопосылка, — оживился Ревский.

Да, это была гравитопосылка, финальная часть сеанса связи для обмена информацией с дальними космическими базами и станциями слежения. На гравитомачты телеинформара с чудовищной скоростью обрушился плотно сбитый пакет информации, своего рода ударная гравитационная волна. Расшифровывая посылку, компьютер растянет ее во времени, и беззвучный гром, заставивший трепетать землю, превратится в тысячи разных сообщений, среди которых должно быть и сообщение о посадке «Вихря». Ждать оставалось недолго.

Вкрадчиво и мягко загудел зуммер. Ревский, оторвавшись от размышлений, поспешно нажал на наручных универсальных часах кнопку включения связей микростанции. Тотчас машинный голос информатора негромко и внятно проговорил:

— Извлечение из гравитопосылки. Сообщение три ноля пятнадцать. Перед посадкой «Вихря» ретрансляторы были выключены, спецкоманда зафиксирована. При входе в плотные слои атмосферы корабль полностью разрушился и сгорел.

Федор осторожно прикоснулся к руке Ревского.

— Ты понимаешь что-нибудь, Теодорович?

Сам он не только не понимал случившегося, но и внутренне протестовал, отвергал его. Дважды проделать страшно далекий путь среди звезд, ловко проникнуть в тайны чужой цивилизации, научиться управлять неизвестным, загадочным кораблем — и живо сгореть у себя дома, в атмосфере родной планеты! Что может быть трагичнее и нелепее?

А Ревский с некоторой досадой, но с несравненно большей радостью думал о том, что этот рыжий черт, этот лукавый бес оказался все-таки прав. Ретрансляторы выключены, спецкоманда подана, значит, кикиане намеренно афишировали свой маршрут, и можно куда увереннее надеяться на сотрудничество с ними. Сгорел корабль. Ну и черт с ним, мало ли по каким причинам это могло произойти? Это даже хорошо, случай с «Вихрем» послужил кикианам хорошим уроком и, уж наверное, лучше всяких охранных мер предохранит от угона другие корабли.

Рисунки Ю. МАКАРОВА

— Ты хоть что-нибудь понимаешь? — наконец-то услышал он повторный вопрос Лорки. И спокойно ответил:

— Кое-что понимаю.

— Что?

— Прежде всего то, что действия кикиан лежат за пределами нашей науки и нашей логики. Мы не можем понять ни замысла, ни способа их действий, начиная от таинственных смертей на самой Кике и кончая воскрешением Тимура, угон и гибелью корабля.

— Это констатация фактов, а не понимание.

Ревский усмехнулся.

— Почему же? Я понял, что ты прав. Комплекуй разведотряд по своему плану, Федор. — Ревский положил свою сухую легкую руку на плечо Лорки. — Но ты уж извини меня, старика. Я загодя готовился к такому решению и обсудил его со старейшинами.

— Ну?

— Видишь ли, о проекте мирного разведотряда мы доложили генеральному. Он подумал и сказал, что если такое решение будет принято, то он хотел бы встретиться с тобой и обсудить кое-какие детали. Так что готовься.

Лорка покачал головой.

— Хитрый ты все-таки человек, Теодорович.

Ревский засмеялся.

— Не одному же тебе хитрить да лукавить.

Когда над телеинформаром вспыхнула беззвучная зеленая молния и был дан отбой сеансу связи, Лорка, попросив скеп-

тически настроенного Теодоровича подождать, включил карманный фонарик и тщательно обшарил вершину взгорка, на котором они сидели. И ничего не нашел. Вернее, не нашел ничего достойного внимания, а лишь обрывок бумаги, которая обычно используется для упаковки некоторых продуктов.

2

Лорка вошел в гостиничный номер так тихо, что Ришар не заметил его появления. Дирий сидел возле раздвинутой двери, ведущей на крошечный балкончик. За окном густыми хлопьями валил пушистый снег, дремали ели, прикрывшись снежными шапками, а в комнате было тепло: поток теплого воздуха отделял ее от наружного морозца. Здесь, в лесотундре, зима уже давно вступила в свои права, проскочили трескучие морозы, и лишь днем вместе со снегопадом пришла оттепель. Впрочем, днем — это только так говорится, не было тут уже настоящего дня, а лишь долгая ночь да длинные сумерки.

Ришар сидел за столиком и разбирал шахматную партию. Положение было высвечено на серо-белой крышке столика желтыми и синими фигурками и менялось, как прикинул Лорка, с интервалом около пяти секунд. Для такого мастера, как Дирий, темп был довольно медленный. К тому же нажатием на кнопку Ришар вдруг приостановил автоматическое проигрывание и, причмокнув от восхищения, принялся любоваться сложившейся позицией.

Случайно бросив взгляд на дверь, Дирий заметил наконец Лорку и застыл с приподнятой рукой и тем сосредоточенно-властным выражением на лице, которое характерно для дирижеров, режиссеров и шахматистов. И только после ощутимой паузы вдруг улыбнулся и укоризненно покачал головой.

— Я его жду, а он? Стоит в дверях недвижимый, как статуя командора! — И сменил тон: — Что так долго?

— Шел пешком. Уж очень погода хороша.

— Садись, — сказал ему Ришар. — Чаю, кофе, молока? Может быть, закусишь?

— Спасибо, ничего не нужно. — Лорка с удовольствием вытянулся в кресле и кивнул головой на окно. — Может, мы напрасно жмемся к субтропикам и теряем эти радости?

Выразительные глаза Ришара обрели насмешливое выражение.

— Эти радости бывают тут раз в месяц, и то по обещанию. А так ветер, вьюги, пурга или такой мороз, что и носа из шлема не высунешь. Ну а если очень захочется экзотики, то от субтропиков до лесотундры всего полчаса хода тоннель-магистралью.

Дирий говорил легко, с ироничной улыбкой, но Лорка уже заметил, что он нервничает. Собственно, об этом говорили и шахматы, которые поспешно убрал Ришар: в минуты тревожного ожидания и нервозности бортинженер Дирий часто отвлекался игрой. Вряд ли стоило мучить беспредметным разговором и себя и Ришара, поэтому Лорка прямо спросил:

— Итак, что же ты решил в отношении Кики?

Прежде чем нанести визит товарищу, Лорка еще по видео-

фону предложил ему принять участие в экспедиции на Кикю. Дирий помолчал, а потом с легкой улыбкой, в которой почудилось нечто виноватое, попросил разрешения подумать. Лорку это насторожило, и он почел за лучшее встретиться с ним лично.

— Я все взвесил, — медленно проговорил Дирий и поднял на Федора глаза. — Я все тщательно взвесил и решил от твоего предложения отказаться.

Глаза Ришара были спокойны, но где-то в самой глубине пряталась не то виноватость, не то сожаление — понять было трудно, невеселые это были глаза.

— Жаль, — искренне сказал Лорка. — Я рассчитывал на тебя, Риш.

— И мне жаль. — Дирий отвел взгляд. — Но разглядеть правду, пусть даже горькую, лучше, чем строить иллюзии.

— Жаль, — повторил Лорка. — Я здорово рассчитывал на тебя, Риш.

Дирий мельком взглянул на него.

— Тем более что я сам напросился. Ты это хочешь сказать? Лорка покачал головой.

— Это мелочи, я не о том. В отряде, который я уже скомпоновал в своей голове, тебе трудно будет найти замену.

— Возможно. — Дирий мельком взглянул на Федора. — А Игорь Дюк?

— Игорь само собой.

Ришар кивнул в знак согласия и вдруг с пробудившимся любопытством спросил:

— Собираешь команду звезд?

— Да, что-то в этом роде.

— Разумно.

Ришар прекрасно владел собой. Спокойное лицо, сдержанный тон, изящная поза, непринужденные жесты, которыми он иногда подчеркивал свои слова. Железная воля незаурядной личности делала свое дело: умение расслабиться в минуты нервного или физического напряжения — великое умение! Но по ряду неумовимых признаков, жесткой складке губ, сосредоточенному взгляду и бог знает еще почему Лорка замечал душевное смятение товарища. Неписаная этика коммунистических взаимоотношений не позволяла Лорке чего-то выяснять, задавая вопросы, или приставать с утешениями. Но ему было искренне жаль старого товарища, хотя он и не знал, что с ним такое стряслось со времени последней встречи. Надо было как-то отвлечь его от неприятных мыслей и переживаний. Взгляд Федора остановился на шахматном столике, и он предложил:

— Не сыграть ли нам партию в шахматы?

— Ты серьезно?

— Конечно! — зеленые глаза Лорки щурились в плутоватой улыбке. — Разве ты не знаешь, что после шпаги и самбо я больше всего люблю шахматы?

Ришар вдруг поднял голову, пронизательно взглянул на Федора и очень спокойно сказал:

— Именно шахматы окончательно убедили меня в том, что путь на Кикю для меня заказан. — Заметив удивление Лорки,

пояснил: — Раздумывая над твоим предложением, я сел за шахматный столик. И мне вдруг подумалось: а много ли великих шахматистов, скажем, чемпионов мира, сумели заиграть в прежнюю силу после того, как соперник ухитрился учинить им настоящий разгром? Не случайное поражение, а подлинный принципиальный разгром. Не доверяя памяти, я обратился к компьютеру и принялся просматривать историю шахматных чемпионатов, начиная с самых истоков, от Стейница и Ласкера. И поразился, даже испугался! Ни один шахматный титан после краха никогда не поднимался на прежнюю высоту. Они продолжали играть, играть хорошо, иногда прекрасно. Но никогда не возвращались былые величие и несокрушимость. Понимаешь? Никогда!

Лорка понимал. Психологический надлом лечить куда труднее телесных ушибов и переломов. Память о срыве, память о поражении сидит в подсознании, как клещ. В ординарной обстановке человек не подозревает о его существовании, но стоит ситуации накалиться и выйти на самую грань допустимого, как этот клещ пробуждается, больно впивается в мозг и на место былой решительности приходит неуверенность. Гнет былых поражений — тяжелый гнет. Сорвавшись психологически один раз в космосе, Ришар Дирий боялся, что такое может повториться еще раз, на Кике.

По глазам Лорки Ришар понял, что тот обо всем догадался и разжевывать ему ничего не надо. Но, поколебавшись, все-таки пояснил:

— Я испугался, Федор. Не за себя, поверь. За тебя, за Тимура, за всех других, кто будет бок о бок работать на Кике. А работать там придется на пределе, я в этом убежден. — Он помолчал и добавил: — И потом, я вдруг отдал себе отчет в том, что по-настоящему полюбил свою монтажную, строительную работу. Мне, может быть, впервые в жизни жаль с ней расставаться. И вот, тщательно взвесив все это, я решил отклонить твоё предложение.

— Каждому свое, — импульсивно сказал Лорка и пожалел об этом.

— Каждому свое, — согласился Ришар грустно.

Лорка бережно положил на тонкую сильную руку Дирия свою тяжелую ладонь.

— Всякий путь заслуживает уважения, был бы он честным. Я не в обиде на тебя, Риш.

Дирий лукаво улыбнулся.

— Ну вот, после исповеди мне как-то легче дышится.

Лорка засмеялся, как бы давая понять, что тот нелегкий разговор кончился и теперь начинается уже другой.

— Ты сказал, что на Кике придется работать на пределе. Почему ты так думаешь?

Ришар внимательно посмотрел на Лорку, как бы раздумывая, стоит ли откровенничать.

— Я ведь могу высказать только сугубо личное мнение, Федор.

— Именно оно меня и интересует.

Дирий пожал плечами.

— Пожалуйста. Судя по всему, на Кике мы встретились с

представителями разума, которые в этико-эстетическом плане сильно отличаются от людей.

— Скорее всего так.

Ришар усмехнулся.

— Вот и представь себе встречу с разумным пауком или каракатицей. Или вообще с неведомым монстром, покрытым зловонной, по земным критериям, слизью. Сколько тут будет барьеров и преград при общении! И полно, можешь ли ты быть уверен, что они преодолимы? Вспомни, с каким трудом, ценою каких жертв мы преодолели внутри самих людей такое пустяковое отличие, как цвет кожи.

— И все-таки преодолели. И сильно поумнели с той поры, Риш.

— Да, — как-то неопределенно протянул Дирий, — мы сильно поумнели. И ты хочешь сказать, что разум сам по себе может стать основой для контактов?

— Я очень надеюсь на это.

Ришар вздохнул.

— Понятно. Ты добр по натуре. И ты оптимист. А я скептик.— Он усмехнулся. — Извини, буду откровенен. Разум изначально добр! Желанные и милосердные братья по разуму! Когда я слышу эти благоглупости, у меня возникает атавистическое желание хорошенько выпороть такого легкомысленного. Казалось бы, человеческая история, фашистские фабрики смерти чему-то должны научить нас.

— Мы сильно поумнели с той поры, Риш, — упрямо возразил Лорка.

— Опять ты про ум! Разум не добр и не зол сам по себе, Федор. Он бесстрастен и холоден, как топор. С его помощью с равным успехом можно строить дворцы и рубить головы. Братство по разуму — фикция, в лучшем случае компромисс. Есть одно истинное братство в мире — братство по морали и этике. А что морально общего может быть у человека с разумной медузой или интеллектуальным муравейником?

— Ты гипертрофируешь безликость разума.

Дирий ухмыльнулся.

— Может быть. Я просто хочу, чтобы у тебя не возникло насчет Кики розовых иллюзий. Ну а если серьезно, — глаза Ришара похолодели, — я молю всемогущий случай о том, чтобы кикиане не оказались много выше нас на лестнице разума. Нет, я не думаю, что в этом случае они нас уничтожат. Зачем им это? Возможно, они искренне любят нас. Разве мы не любим животных? Но я не могу и не хочу забыть о жалкой судьбе всех этих собак, лошадей и верблюдов, которых человек искренне любит много тысячелетий.

3

До лесной поляны авиетку довел автопилот по тем координатам, которые Тимур Корсаков сообщил Лорке по видеофону. Довел и зажег красное табло «Конец программы» — сигнализация о том, что свою задачу он выполнил и что все остальное люди должны доделывать самостоятельно. Почти не раздумывая, только мельком оглядевшись, Лорка положил верткую ма-

шину на спину и произвел посадку «оверхедом», с переворота через крыло. Лорка любил этот маневр, всегда вызывавший восторг пилотов-дилетантов; требовал он, однако, не столько истинного пилотажного искусства, сколько элементарной точности и железного самообладания.

Выйдя из авиетки и задвинув за собой дверцу, Лорка огляделся. Здесь, на отрогах южных гор, осень еще только начиналась. Трава поблекла, слегка прихваченная ночными заморозками, но еще не успела пожелтеть. А вот лес уже наряжался в праздничные багряные и золотые одежды. По сравнению с пронзительной синью прохладного неба и темной зеленью хмурых елей осенний лиственный наряд казался даже слишком ярким, театральным. Было тепло, но только потому, что пекло солнце. Сам же воздух был студен и чист, как родниковая вода.

Услышав окрик, Лорка обернулся и в сотне шагов позади себя увидел Тимура. Тим стоял на опушке леса, приветственно подняв над головой руку. Федор помахал ему в ответ и пошел навстречу по высокой, вязкой, путающейся в ногах траве.

Подойдя ближе, Лорка разглядел за спиной Тима складной синтетический домик, стоявший под раскидистой липой. Перед домиком горел костер, вокруг которого стояло несколько больших и малых чурбаков. Один высокий чурбак был прикрыт белоснежной салфеткой. Вкусно пахло грибами.

— Настоящий рай! — сказал Лорка, оглядываясь.

— Рай, — серьезно согласился Тим. — Но все хорошо в меру.

— Какая же у рая мера?

Они посмеялись, с интересом оглядывая друг друга. Тим, набравший за время лечения лишний вес, теперь похудел, что особенно подчеркивалось густым загаром. Русые волосы выгорели, некоторые пряди стали совсем белыми, другие пшеничными. И брови у Тима побелели, и даже ресницы, и глаза словно выцвели — по контрасту с бронзовым лицом они казались теперь не серыми, а голубыми, даже синими. Весь облик Тимура — свободная поза, спокойный, улыбчивый взгляд, развернутые плечи — говорил, что он: в хорошей форме.

— Где же Валентина?

— Полетели с дочкой на консультацию. Ты садись, кресла к твоим услугам.

Наклонившись к костру, Федор принюхался, спросил, кивнув на котелок:

— Грибы?

— Разногрибье с картошкой в пропорции три к одному. Поднаторелые таежники называют это варево грибницей.

— Свежие грибочки — моя слабость. — Лорка плотно пошевелил пальцами.

— А шашлык? А уха? — засмеялся Тим. — Ты чревоугодник, Федор, а таким не место в раю. К тому же грибница еще не готова, я ждал тебя позднее.

— Я не чревоугодник, просто отношусь с должным уважением к своему желудку.

Лорка болтал, Тимур слушал, и оба они продолжали присматриваться друг к другу. Лорка хорошо видел, что Тим ждет

новостей и предложений, но у него никак не поворачивался язык сказать своему другу что-нибудь определенное. Может быть, Тим должен отдохнуть, а Лорка потащить его за собой на Кике. Разве космос и Кика лучше этого осеннего леса?

Со странной болью подумав об этом, Лорка по-новому осознал свое нынешнее настроение: приступы веселья, озорства, даже ребячества, неожиданные приливы непонятной тоски или совсем уж не свойственной ему сентиментальности. Пожалуй, это ностальгия авансом, по-настоящему эта проклятая болезнь начнет мучить разведотряд уже в космосе.

Глядя на вдруг задумавшегося, отрешенного Федора, Тим было помрачнел, но всего лишь на секунду. Легкая улыбка тронула его губы, улыбка добрая и немного хитроватая, словно Тимур знал некую хорошую тайну, пока еще неизвестную Лорке. Наклонившись, он поднял с земли поделку из дерева, достал из кармана нож. Это движение отвлекло Федора от меланхолического раздумья. Он усмехнулся, глядя, как Тим с сосредоточенным видом разглядывает большую деревянную ложку. Ложка была уже сделана и начерно отполирована.

— Мудрый человек придумал этот санаторий уединения, — философски проговорил Лорка, разглядывая синие искры неба, которые мерцали сквозь желто-зеленую крону липы.

Не отрываясь от резьбы, Тимур согласно кивнул.

Лорка невольно залюбовался отточенными, законченными движениями своего друга. У Тима вообще были великолепные сенсорные данные, от природы, от господ бога, как говаривали прежде, к тому же они были отшлифованы постоянным тренингом. В спорте эти данные Тимура как-то терялись — ему не хватало резкости, которая была у Ришара или Виктора, и мощи, как у Лорки. Зато там, где требовалась предельная точность движений небольшой амплитуды, Тимур был вне конкуренции. Лорка затруднился бы, например, назвать равного ему по классу пилота. Не случайно Тим Корсаков несколько раз становился чемпионом по спортивному пилотированию.

Тим поднял свои светлые серьезные глаза, улыбнулся и возобновил прерванную работу.

— Чему ты улыбаешься?

— Да вот жду не дождусь, когда ты заговоришь со мной о Кике.

Лорка вздохнул.

— Кстати, — все так же неторопливо продолжал Тимур, не прерывая своей работы, — ты совершенно напрасно думаешь, что после болезни я, так сказать, разомлел в семейном уюте и буду подыскивать какой-нибудь предлог, чтобы остаться на Земле.

Лорка опять вздохнул, однако ни капельки не удивился. Чуткость на мысли и настроение близких ему людей была у Тима уникальной. Колдун, да и только! Сам Тимур, посмеиваясь, рассказывал, что какой-то его далекий предок выступал не то в цирке, не то на эстраде с сенсационным номером по угадыванию чужих мыслей. Верилось в это легко.

— Я был бы самой последней свиньей, если бы не сделал все возможное, чтобы пойти с тобой. Поставь себя на мое место.

Лорка ставил сто раз и знал, что Тимур прав. И дело не только в дружбе. Дело в том, что они были с Тимом очень разными людьми. Сработавшись за время космических невзгод и испытаний, они прекрасно знали и компенсировали недостатки друг друга. Вдвоем в профессиональном отношении они стоили много больше, чем каждый в отдельности.

— Да, честно говоря, мне и самому интересно покопаться на Кике, — снова заговорил Тимур. — Как-никак задета честь землян. Предстоят славные ратные дела, а за ними — вечная благодарность потомков, памятники, жизнеописания и легенды.

Лорка хмыкнул.

— А ты как думаешь? — Тимур отложил черпак. — Мы с тобой войдем в историю, взявшись за руки, как, ну, эти...

— Кирилл и Мефодий, — ехидно подсказал Лорка.

— Да нет.

— Тахир и Зухра.

— Нет же. Как... Ромул и Рем — вот как.

— А волчица?

— Возьмем с собой Ольгу Сергеевну.

Лорка захохотал. Ольга Сергеевна была доктором медицины, придрочивым и беспощадным членом медицинской комиссии и в силу этого не пользовалась особой любовью космонавтов. Тим поднялся, приподнял крышку котелка, внимательно взгляделся, принялся и с сожалением констатировал:

— Еще не готовы. Уж такой народ эти грибы — долго готовятся. — Аккуратно прикрыл котелок крышкой и повернулся к Лорке. — Значит, берешь меня?

— Куда же я без тебя? Конечно, беру.

Секунду они серьезно смотрели друг другу в глаза, потом губы Тимура тронула легкая улыбка.

— И ни капельки сомнения?

— Ни капли, — как можно тверже ответил Лорка.

— А если капелька все-таки есть? — Тим засмеялся. — Только не смотри на меня такими злыми тигриными глазами, а то я со страха на липу залезу.

— И правильно сделаешь, — буркнул Федор.

— Нет, серьезно, — не отставал Тимур, и по лицу его было видно, что он действительно не шутит. — Тебе не приходило в голову, что я — это, может быть, и не я? Или, во всяком случае, не совсем я, кикианская подделка?

Лорка ухмыльнулся.

— Вот видишь, — не без огорчения сказал Корсаков. — Небось и с Теодоровичем обсуждали этот щекотливый вопрос?

— Ошибаешься, не обсуждали. Но когда я беседовал по этому поводу с врачами, то выяснил, что Теодорович уже успел побывать у них. И по тому же поводу. Мне сообщили, что тебя подвергли бездне исследований на предмет установления идентичности с прежним Тимуром Корсаковым. И ни на йоту отклонения! Напоследок меня отругали за недоверие к врачам. Разве, говорят, мы бы дали заключение о потенциальной годности Корсакова к космической работе, если бы у нас оставалась хоть тень сомнения? — Тимур рассеянно кивнул головой, хотел что-то сказать Федору, но в это мгновение небо разом

вспыхнуло; из глубоко синего оно стало перламутровым, даже опаловым. Стволы и листья деревьев, трава и тропинки, предметы и человеческие лица приобрели пугающий белесый оттенок, словно их облили разбавленным молоком. Притих птичий гомон. Небо горело и плавилось секунды две-три, а потом плавно, с запада на восток, приобрело обычную окраску, только синева его по контрасту со вспышкой казалась теперь еще более темной и глубокой.

— Разряд ионосферы на приемные антенны. — Тим кивнул головой на юго-запад. — Там, в горах, ионосферно-аккумуляторные станции.

— Ничего себе — санаторное уединение, — пробормотал Лорка, все еще глядя на небо.

— Зато нет бестолковых гроз, ураганов и вихрей. Ради этого стоит два-три раза в день поморгать глазами.

— А ночью?

— Упаси бог! Ночью это безобразие запрещено — ослепнуть можно. — Тим помолчал, поглядывая на товарища. — Федор, я бы хотел, чтобы то, что я сейчас скажу тебе, осталось между нами.

— Да будет так, — с некоторой заминкой ответил Лорка.

— Ты только не подумай, что я шучу, — Тимур хмыкнул, как-то странно поглядывая на товарища. — Ты говоришь, врачи уверены. А я вот не уверен, что остался прежним Тимуром Корсаковым.

Лорка не сразу переварил услышанное.

— Что? Не понимаю!

— И не надо. Если я расставляю точки над «и», то начнется волокита. Ты, как командир разведотряда, сочтешь нужным сообщить обо всем Ревскому. Тот, тоже из чувства долга, информирует Совет космонавтики. И не исключено, что не видать мне Кики как своих ушей. А мне надо быть на Кике. Для успеха предприятия, понимаешь?

Разглядывая Тима, Лорка покачал головой.

— Нет, так и не понимаю.

— Я же говорю, и не надо! — с сердцем сказал Тимур. — Ты просто поверь мне, как верил раньше. Как только наш корабль выйдет на разгон, я расскажу тебе обо всем без утайки.

Лорка молча смотрел на своего друга, точно хотел прочитать его мысли.

— Федор, — укоризненно проговорил Тимур, выдерживая его испытующий взгляд, — я ведь мог и не говорить тебе ничего. Но я сказал. И ровно столько, сколько сейчас нужно.

— Ну, будь по-твоему. — Лорка встряхнул Тима за плечо. — Возьму грех на душу, промолчу.

Проводив взглядом глайдер, на котором улетел Лорка, Тим сложил в стерилизатор грязную посуду, подбросил в костер несколько сучьев и задумался, глядя на огонь.

— Пожалуй, я поступил именно так, как и должен был поступить, — подумал он вслух и, словно спохватившись, достал из кармана обрывок бумаги, которая обычно используется для упаковки продуктов. На клочке была безграмотная надпись, сделанная корявыми, прыгающими буквами.

Дверь Лорке открыл не Соколов, а невысокая худенькая женщина с огромными темно-кариыми глазами и пышной копной светлых волос, которая казалась тяжеловатой для тонкой стройной шеи. Лицо типично русское, а вот в особой грации фигуры и фарфоровой белизне кожи проглядывали классические японские черты — причудливо перепутались расовые признаки в двадцать третьем веке.

— Татьяна Соколова? — спросил Лорка, позаботившийся узнать имя жены эксперта.

— А вы Федор Лорка, — безо всякого воодушевления констатировала хрупкая женщина. — Входите.

Когда Федор проходил коридором в гостиную, одна из дверей вдруг приоткрылась и оттуда выглянули две пары живых и любопытных черненьких детских глаз.

Гостиная была простой и, если можно так выразиться, естественной. Обычные стены, обыкновенная мебель — стол, кресла, огромнейшая тахта, на которой могла разместиться вся семья Соколовых. В стене напротив тахты угадывался экран стереовизера, на полу — мягкий ковер-мат, на котором удобно лежать, бороться, заниматься акробатикой и вообще делать все, что угодно детской душе. Ничего ультрасовременного вроде светящихся потолков, стен меняющейся расцветки или конформной мебели.

— Александра срочно вызвали в агентство, — сказала Татьяна, усаживаясь напротив Лорки. — Он поручил мне извиниться перед вами. Он скоро вернется, иначе бы сообщил о задержке.

— Я не тороплюсь.

В коридоре послышалась какая-то возня, приглушенный смех. Татьяна насторожилась, по ее губам скользнула улыбка.

— Вы, очевидно, не работаете? Я имею в виду обязательную работу.

— Нет, я работаю, — у жены Соколова был чистый, мягкий голос, говорила она негромко, глядя на Лорку серьезными неулыбчивыми глазами. — Я энергетик. Неделю посменно дежурю на центральной энергостанции Гренландии, а две недели отдыхаю дома. И тогда дети со мной.

— А когда вас нет?

— В интернате. Саша любит детей, но по-настоящему заботиться о них ему некогда. Вызовы, отлучки, разъезды. Очень беспокойная работа.

Лорка слушал ее с улыбкой, но Татьяна ни разу не улыбнулась ему в ответ.

— А у вас работа беспокойная?

Татьяна на секунду призадумалась, а потом своим мягким голосом решительно проговорила:

— Простите, Федор, но я не думаю, чтобы вас заинтересовал характер моей работы. И, честно говоря, я терпеть не могу так называемых светских бесед — обо всем и ни о чем.

Лорка невольно улыбнулся этой прямолинейности, но Татьяна лишь сдвинула пушистые брови, в голосе ее прозвучала нотка досады:

— Давайте перейдем к делу, Федор.

Лорка не мог удержаться, чтобы не поддразнить ее.

— А у меня, собственно, к вам нет никакого дела.

Она тряхнула пышными волосами, ее глаза-вишни стали совсем сердитыми, но не злыми.

— У вас есть дело к моему мужу. А я — может быть, это старомодно и недиалектично — придерживаю позиции Фейербаха: лишь муж и жена — вместе — составляют настоящего человека, а по отдельности — это лишь половинки. Все, что касается мужа, касается и меня. И у нас нет тайн друг от друга.

Лорка хотел было возразить, что Фейербах говорил не о муже и жене, а просто о мужчине и женщине, но передумал: по существу, Татьяна была права. И еще он подумал, что, может быть, Соколов специально отлучился в «агентство», представив жене вести разговор?

Татьяна будто подслушала его мысли.

— Если вы думаете, что Александр специально подставил меня для разговора с вами, то ошибаетесь. Он не из тех, кто прячется за спины других.

Лорка мысленно согласился с ней, а Татьяна продолжала:

— Вы хотите предложить Александру участвовать в экспедиции на Кику?

Лорка склонил в знак согласия голову.

— Угадали.

— Я вас прошу, — это «прошу» прозвучало почти как приказываю, — не делать этого.

— Почему?

— Да потому что он согласится! Понимаете? Согласится! — Она было сорвалась на крик, но, вспомнив о детях, тут же приглушила голос. Голос звучал зло, но глаза у нее так и не стали злыми — они стали печальными, даже тоскливыми. — Он человек долга. Мы говорили об этом. Боже, как он бывает упрямым в таких делах!

— Что же дурного в том, что согласится? Участие в экспедиции на Кику — большая честь, — осторожно сказал Лорка.

— Но он же не космонавт! Как вы не понимаете? Это же беспомощный человек во всем, что не касается экспертизы и социальных проблем! Вы думаете, я только из-за детей провожу дома две недели из трех? Из-за него тоже. А кто будет заботиться о нем на этой проклятой Кике?

— Я, — спокойно ответил Федор.

Татьяна смотрела на него с молчаливым недоверием, к которому, пожалуй, примешивалась и насмешка.

— Я, — повторил Лорка. — Приглашая его в разведотряд, я, как командир, беру на себя все заботы о нем. В том числе и заботу о его безопасности.

В вишневых глазах Татьяны появилось выражение интереса. Ее взгляд беспокойно, требовательно обежал, охватил всего Лорку — литую, тяжелую фигуру, открытое лицо, зеленые глаза, в которых читалась спокойная уверенность.

— Зачем он вам понадобился? — с горечью спросила она.

— Я убежден, что на Кике понадобится эксперт-социолог высокой квалификации.

— А вы уверены в его квалификации?

— Безусловно.

Она впервые слабо улыбнулась, не самой себе — Лорке.

— Он такой беспомощный.

Вот только теперь Лорка до конца понял ситуацию: он все это время разговаривал с главой семьи Соколовых. Что бы там ни говорили и ни писали во все времена, а в каждой настоящей семье обязательно есть глава. Не суть важно — юридическая это семья, как в прошлом, или фактическая, как при коммунизме, постоянна она или временна, что объединяет ее — искренняя любовь и уважение, слепая ли безрассудная страсть, простая привычка и привязанность или кандалы цепи традиций и законов. Семья — совершенно особый мир со своими ценностями, взаимоотношениями и иерархией. И вовсе не обязательно, чтобы крупный общественный деятель, великий ученый, вдохновенный поэт или изобретательный конструктор был главой семьи. Часто бывает как раз наоборот. В семье Соколовых это бремя несла хрупкая женщина с большими карими глазами и тяжелой копной светлых волос. Она не представляла себя на Кике, в чужом, странном и загадочно опасном мире. И правда, такая жизнь и работа вряд ли были ей по плечу, у нее было другое призвание и талант — семья. Но ей казалось, что уж коли она не справится с работой на Кике, так уж куда там ее любимому, но такому беспомощному и непрактичному Саше!

— Мне кажется, что вы меня не слушаете, Федор.

Лорка спохватился.

— Нет, нет, продолжайте, пожалуйста.

— Я не берусь судить, нужен ли вам эксперт-социолог, видимо, нужен, хотя необитаемая планета и социология — это как-то не укладывается у меня в голове. Но почему именно Саша?

— Потому что я работал с ним и знаю его, — мягко пояснил Лорка. — И что самое главное, я знаю не только его достоинства, но и недостатки.

— Да, это очень важно — знать недостатки, — машинально согласилась Татьяна, поправляя свои пышные волосы. И тут же спохватилась: — Но ведь Саша не единственный эксперт-социолог. А вы забираете его у жены, у детей.

— Это нужно для важного дела. В интересах всего человечества. Хотя это звучит помпезно, но это правда, — голос Лорки прозвучал суровее, чем он сам того хотел.

Татьяна покачала головой.

— Вы жестоки, Федор.

— Справедливость нередко кажется жестокой тем, кому она невыгодна.

Татьяна вспыхнула как маков цвет. Лорка и не подозревал, что эта атласная фарфоровая кожа может покрываться таким румянцем. Внутренне он подобрался, готовясь парировать зреющую вспышку, но послышались шум открывающейся двери, писк, смех, возня, и в гостиную вошел раскрасневшийся Соколов. Он было начал с извинений по поводу того, что ему не вовремя пришлось отлучиться, но, приглядевшись к лицу жены, спросил:

— Вы, кажется, поругаться успели?

— Нет, нет, — поспешно ответила Татьяна, бросив на Лорку выразительный взгляд.

Соколов мельком взглянул на Лорку, а потом уже пристальнее — на жену.

— Федор предлагает тебе место в кикианской экспедиции. Вот мы и говорили об этом.

— Предлагаю, — подтвердил Лорка.

Облегченно вздохнув, Соколов аккуратно вытер белоснежным платком свое розовое разгоряченное лицо и плюхнулся в жалобно вздохнувшее кресло.

— Я согласен, — бодро сказал он. — Мы давно все обговорили, правда, Таня?

— Правда, — отсутствующим тоном подтвердила его жена.

— Я согласен, — теперь с некоторой гордостью подтвердил Соколов и вдруг совершенно непосредственно засмеялся. — Хотя, честно говоря, совершенно не представляю, зачем я вам понадобился и что я буду делать на этой Кике.

— Дела найдутся.

Секунду они смотрели друг на друга, но потом, точно сговорившись, перевели взгляды на Татьяну.

— Что-то дети расшумелись, — сказала она, поднимаясь из кресла. И, уже выходя из гостиной, добавила: — Я буду в детской, если понадобится.

Соколов проводил ее виноватым взглядом, с некоторой укоризной взглянул на Федора.

— Ничего, Александр Сергеевич. На то она и женщина, чтобы бояться за вас, переживать и беспокоиться.

— Не только женщина, — хмуро поправил Соколов. — Жена и мать.

— Понятно. Вы-то сами не трусите? — вдруг спросил Лорка.

Соколов сердито посмотрел на него и вдруг ухмыльнулся.

— Есть немного, — признался он и опять ухмыльнулся. — Сначала, после того разговора в бассейне, даже спал плохо — снилась всякая чертовщина. Потом притерпелся, привык — и ничего. Вы думаете, меня Кика пугает? Ошибаетесь! Что Кика? Такая же Земля, только в другом районе Галактики. — Соколов заговорщицки понизил голос. — Меня космос пугает, сам этот полет с гиперсветовой скоростью. И снились мне все время какие-то уродливые корабли — то на колесах, то на гусеницах.

— Ничего, Александр Сергеевич, не боги горшки обжигают. Все мы побаиваемся, только страхи у нас разные: у одних от знания, у других от незнания.

— Серьезно? — с интересом спросил Соколов.

— Вы знаете, кто такой Суворов? — вместо ответа спросил Лорка.

— Полководец, я не ошибся?

— Не ошиблись, так вот, этот Суворов, впрочем, как и все великие полководцы, отличался большой личной храбростью. В ходе одного жаркого боя он сказал, обращаясь к самому себе: «Дрожишь, скелет? Ты еще не так задрожешь, когда узнаешь, куда я тебя поведу!»

— Как? — Соколов широко открыл свои маленькие глазки и вдруг захохотал. Хохотал он очень вкусно, отваливаясь на спинку кресла и покачивая головой. — Нет, это великолепно... дрожишь, скелет? Куда я тебя поведу! Великолепно!

Федору показалось, что в гостиную заглянула Татьяна, но,

обернувшись, никого не заметил. Отсмеявшись, Соколов заинтересовался:

— И все-таки, Федор, что я буду делать там, на Кике?

И опять Лорка ответил вопросом на вопрос:

— Вы знаете, что с Плутона угнали гиперсветовой корабль? Так вот, он сгорел в плотных слоях кикианской атмосферы. Представляете, сколько здесь загадок и какой простор для следствия?

5

Чтобы повидаться с Виктором Хельгом, Лорке пришлось вылететь в Исландию. Виктор, как и другие космонавты, когда их пребывание на Земле по тем или иным причинам затягивалось, по рекомендации Совета подключился к работе на расположенной там крупнейшей геотермальной энергостанции. Разумеется, никто не обязывал космонавтов работать, просто сказывалась естественная привычка к труду да и практика работы в роли энергетика была нелишней.

В Рейкьявике Лорка выяснил, что Виктор дежурил на посту безопасности — истинно космическая работа, имевшая много общего с очередной корабельной вахтой. Лорка не без труда добрался до централи этого поста, посторонним вход туда был запрещен, и с огорчением выяснил, что труды его напрасны. На исландской энергостанции было два поста: восточный и западный. Лорка в соответствии со сведениями, полученными в Рейкьявике, прибыл на восточный, а Хельг дежурил на западном — его направили туда в самый последний момент в связи с болезнью одного из инженеров. Начальник смены безопасности, худощавый, седоголовый и очень смуглый мужчина — потомок коренных африканцев, сочувственно разглядывая огорченного Лорку, спросил:

— Вы когда-нибудь были в нижнем отсеке машинного зала?

— В горячей зоне?

Седоголовый Узанги, чем-то напоминавший Ревского, с улыбкой покачал головой.

— В горячей зоне никогда не было ни одного человека. Там трудятся только роботы. Нижний отсек рядом с этой зоной.

— И рядом не был. Как говорится, не привел господь.

— Ну, уж если мыслить образно, так не господь, а дьявол: там царство дьявола, Федор. — Узанги подумал и пояснил: — Дело в том, что самый ближний путь с одного поста на другой — через машинный зал. Я сейчас отправляюсь именно этим путем, а по дороге мне нужно заглянуть в нижний отсек.

— Согласен вас сопровождать, — поспешно сказал Лорка.

Помимо простого любопытства, Федором руководили и чисто деловые соображения: в сопровождении Узанги автоматически отпадали все формальности, которые неизбежны при посещении посторонними такого деликатного места, как пост безопасности.

Дорога оказалась сложной — с несколькими пересадками. Сначала скоростной лифт опустил их на глубину около пяти километров. Здесь они облачились в скафандры высшей защиты и пересели в вагончик магнитотоннельной дороги. Вагон-

чик был рассчитан на шесть человек, но на сей раз, кроме Узанги и Лорки, в нем никого не было. Стремительно и бесшумно проскользнув километров двенадцать, вагончик плавное затормозил. Нижний отсек машинного зала был скупое освещен. Он весь был рассечен мощными круглыми колоннами, отстоящими друг от друга метров на пятнадцать. Это делало отсек похожим на старинный и мрачный египетский храм. Лорка знал, что все эти столбы полуметровой толщины — вовсе не опорные колонны, а трубы-термоумножители, которые забирали из горячей зоны магму, превращали относительно низкотемпературное тепло Земли в раскаленную до сотни тысяч градусов плазму и подавали ее на магнитные входы ионных двигателей.

Уверенно шагая между термоколоннами по пути, обозначенному крохотными и веселыми золотистыми огоньками, Узанги вывел Федора на небольшую площадку, огороженную перилами. Площадка была похожа на капитанский мостик старинного корабля, она балконом нависала над дорогой, пролежавшей в траншее трехметровой глубины.

— Дорога роботов, — пояснил Узанги. — Сейчас в горячую зону пойдет очередная смена.

Держась за перила мостика и глядя в сумрак, в котором постепенно растворялась дорога роботов, Лорка испытывал томительное и волнующее чувство. Скафандр высшей защиты, облежавший Федора, был противозумным и антивибрационным; такими же свойствами обладали и вязкие, композитные стены отсека, но все ухищрения людей оказались бессильными перед стихийной мощью планеты. Каждой клеточкой тела, каждым нервом Лорка ощущал могучий гул и рокот, лихорадочную дрожь и яростный трепет негасимого огненного лона Земли.

— Смена, — прозвучал глухой голос Узанги.

Следуя за скупым жестом его руки, Лорка повернул голову и увидел, как из серого сумрака на освещенную часть дороги выползает длинная вереница роботов: странная процессия, похожая на шествие чудищ и призраков, рожденных кошмаром.

Процессию возглавлял щуплый и большоголовый робот-андройд примерно человеческого роста. Впрочем, он был похож не столько на человека, сколько на кузнечика, вставшего на задние лапки. Это был робот-интеллектуал, командор роботосмены — мощный, подвижный компьютер. А за ним тянулась многоликая, ни на что не похожая, жутковатая в своей своеобразной законченности вереница роботов специального назначения, долговязых, похожих на тощих жирафов, шеи которых украшали по три пары суставчатых рук. Могучие роботы — кроты и тараны, стелившиеся по самой дороге и напоминавшие не то гигантских гусениц, не то многоногих крокодилов. Роботы-титаны с бочкообразным корпусом и мощными клешнями, способными вязать узлами толстые металлические сваи. Стайки разнокалиберных мини-манипуляторов, разительно похожих на черепах. От этого нечеловеческого, неземного многообразия, от этой молчаливой, но целеустремленной псевдожизни рябило в глазах и было физически больно нервам. Процессия двигалась быстро, но почти бесшумно, семенили лапы и лапки, вышагивали ноги, струились гусеницы. Слышался сухой шорох и мягкий гул, от бронированных тел поднимался легкий

туман — уже работали системы охлаждения. Лорке почудилось, что такую картину он уже видел и слышал однажды, когда на Аризле от него разбежалась стая хищных тараканов-гигантов, по которым для острастки ему пришлось полоснуть плазменным лучом. Время от времени манипуляторы роботов приходили в движение: изгибались, складывались и раскладывались, выполняли хватаящие, тянущие и толкающие движения.

— Здесь контрольный этап, — вполголоса пояснил Узанги. — Последняя проверка всех систем и кинематики.

Шествие роботов замыкал второй андроид — дублер командора. Провожая глазами эту бредовую процессию, тающую в сумерках под затихающей шорох и гул, Лорка ощутил некую боль, точно его кто-то обидел, может быть, и не сильно, да незаслуженно. Почти сразу он понял, откуда эта боль. Сколько было написано сказок о роботах! И для взрослых и для маленьких. Сказок добрых и страшных, но всегда величественных и чем-то пугающих. Как только не выглядели роботы в этих фантазиях! Роботы — равные и полноценные друзья человека во всех аспектах его жизни и деятельности. Роботы — старшие братья людей, более мудрые, чем они сами, более сильные, но тем не менее любовно и милосердно относящиеся к своим странным творцам. Рассудочные роботы — эгоисты, мечтающие при случае вырваться из-под власти человека на свободу и создать своего рода роботоавтономию. Наконец, роботы-человеконенавистники, объявляющие смертельную войну не только своим создателям, людям, но и всему живому, устанавливающие в конце концов машинное царство не только на Земле, но и во всей Галактике.

— Вам их жалко? — глухо прозвучал голос Узанги.

— Да.

— И мне жалко, — начальник смены помолчал, внимательно разглядывая Лорку. — Знаю, что это глупо, что это бесчувственные машины, а жалею.

Узанги повернулся и молча зашагал по дороге, обозначенной золотистыми огоньками. Лорка шагал вслед за ним и угрюмо думал о том, что правда не всегда бывает сладкой, бывает и горькая правда. Но это все-таки правда, и уже поэтому она имеет право на существование. Что уж тут поделаешь, если роботам нет места среди людей! Слуги? Зачем это! Разве человек не в состоянии сам позаботиться о себе, а если нужно, то и о своих близких? И это не только нужно, но и доставляет радость. Комнатные, бытовые роботы — большая фантазия, рожденная плохой эгоистической жизнью. Роботы — братья и друзья? В этой идее чувствуется пусть легкая, но уловимая психологическая извращенность. Человек должен прежде всего любить человека; замещение партнера машиной, конечно, чем-то обогащает его, но чем-то и обедняет.

Узанги тоже молчал, думая о своем; так, не проронив ни слова, они добрались до централи западного поста. Тут и выяснилось, что Лорка опоздал и что Виктор Хельг минут десять тому назад закончил дежурство и отправился в гостиницу. Узанги с легкой покаянной улыбкой сказал:

— Это я виноват. Можно было ехать напрямую.

Лорка нашел Виктора на спортивной площадке, размещенной

на крыше высотного здания. Внизу, над самой землей, тянулись облака, а здесь ослепительно сияло веселое хрустальное солнце, и небо было таким пронзительно синим, что при взгляде на него болели глаза и оскомина чувствовалась во рту. Виктор, разгоряченный тренировкой на льду для фигурного катания, со смуглым румянцем на щеках, отдышал, опираясь на перила ограждения крыши, и смотрел на сплошную пелену белых, чуть курчавящихся облаков. Он был без шапочки, его черные жесткие волосы лохматил ветер. Стройный, в белых брюках и толстом красно-синем свитере, он был чудо как хорош, так и просился на картинку о здоровье и молодости. А ведь до этой тренировки четыре часа провел в мрачном царстве Аида — в горячей зоне радиотермальной энергостанции!

Похоже, что Хельг по-настоящему обрадовался, увидев Лорку, полюбопытствовал, почему Федор в последнее время пропускает тренировки в фехтовальном зале. А когда Лорка предложил ему место в разведотряде, протянул ему свою изящную, но сильную руку.

— Спасибо, Федор. Это большая честь для меня.

Не успел Лорка как следует подумать о том, что Виктор сильно возмужал за последнее время, как Хельг сразу опроверг это предположение.

— Мерзнешь? — спросил он, глядя на Федора своими насмешливыми, опущенными густыми ресницами глазами.

— Мерзну, — со вздохом согласился Лорка, поправляя меховую шапку. Он и правда мерз под пронизывающим ветром, хотя был одет заметно теплее Хельга. Поглядев на белозубую улыбку Виктора, на его открытую смуглую шею, Лорка еще раз вздохнул и добавил доверительно: — Я ведь рыжий, а стало быть, эксудатик. А эксудатики люди нежные, как цветы: в жару им жарко, в холод — холодно. И устают они быстрее прочих людей, и отдыхать им нужно дольше, чтобы восстановиться.

— Я вот не эксудатик, — с оттенком назидательности сказал Хельг.

— Зато у тебя есть другие недостатки, — добродушно улыбнулся Лорка.

— Как же ты решился взять меня в отряд?

— Не всякий недостаток — вредный дефект.

Они посмеялись, после чего Хельг снова оперся о перила ограждения и перевел взгляд на белую облачную пустыню.

— Ты можешь мне назвать состав разведотряда? Хотя бы примерный? — неожиданно спросил он.

Федор начал перечислять. Когда дошел до Соколова, Виктор сдвинул брови.

— Соколов? Не припомню такого.

— Профессиональный эксперт-социолог Александр Сергеевич Соколов, — представил Лорка с улыбкой. — Вел расследование по делу Тимура Корсакова.

— А-а! Такой кругленький, с лицом невинного младенца и фигурой тяжелоатлета?

Лорка утвердительно кивнул головой.

— Да зачем он тебе понадобился? Что он понимает в инопланетных делах? — Виктор был само недоумение.

— У него железная логика, беспощадный, острый взгляд. Он замечает такие мелочи, на которые мы с тобой никогда не обратили бы внимания. А уцепившись за них, идет до конца.

Выражение лица Хельга явно свидетельствовало, что он не понимает, каким таким расследованием Соколов может заниматься на Кике. И тогда Лорка посвятил его в историю угоне гиперсветового корабля с Плутона и гибели его в кикианской атмосфере. Об угоне Виктор, как и все другие космонавты, знал, а вот весть о том, что корабль сгорел, была для него новостью.

— Н-да... — протянул Виктор и усмехнулся. — А если кикиане и наш корабль сожгут таким же образом?

— Сожгут? — машинально переспросил Федор.

Он вдруг удивился, что эта простая мысль, объясняющая причину гибели корабля, почему-то не пришла в голову ни ему, ни Ревскому. Наверное, мысли о злодействе и насилии стали чужды людям. А вот Хельгу это сразу пришло в голову.

— Ты не веришь, что кикиане могли расстрелять этот корабль? — глаза Виктора смотрели на Федора с легкой насмешкой. — Представь себе, что в двадцатом веке у нас, я хочу сказать — у коммунистов, были бы в распоряжении звездные корабли. Полетели мы куда-нибудь на Альфу Центавра и вдруг возвращаемся оттуда на могучем, на века опередившем время гиперсветовом корабле, горжественно оповещая об этом Родину. Разве империалисты не могли бы попытаться уничтожить этот корабль на подлете, чтобы лишить нас этого преимущества?

— Могли, — задумчиво ответил Лорка и поднял глаза на Хельга.

— Ты полагаешь, что на Кике могут существовать две враждующие расы или группы сапиенсов?

— Вспомни историю землян.

— Честно говоря, ничего подобного мне и в голову не приходило. А об этом стоит подумать. На всякий случай.

— Стоит, — с легкой иронией подтвердил Виктор, — а то наша разведка может превратиться в похороны. Без всяких торжественных церемоний.

6

Домой, в дачный пригород Лорка возвращался уже в темноте. Он шел по синтездорожке, очень похожей на самую обычную тропинку, обозначенной по обеим сторонам крохотными мигающими лампочками, будто совсем не по сезону и не по климату в пожухлой траве и прелой листве прятались веселые золотистые светлячки. Лампочки начинали мигать шагов за десять до подхода к ним и угасали сразу же за спиной Лорки.

Дня два тому назад наступило потепление, прошли дожди, и выпавший было снег исчез бесследно. В темном воздухе стоял стойкий терпковатый запах прели. Прямо над головой мерцали крупные звезды, но уже неподалеку от зенита их начинала скрывать дымка, по мере приближения к горизонту она густела и наконец скрывала небо совсем. Стояла такая тишина, которая бывает глубокой осенью в неожиданную бурную оттепель, лишь за спиной Федора мягко, но мощно рокотал город, вовсе не торопившийся засыпать. Лорка представил себе красочные улицы, полные народа, залитые ярким светом, и невольно покосился через плечо на городское зарево, занимавшее добрую треть небосклона. Покосился и замедлил шаг, а потом и вовсе остановился: кто-то шел позади него в сотне шагов, освещая себе дорогу ярким фонариком. Чудак! Зачем освещать прекрасно обозначенную тропинку и нарушать тихое очарование влажной осенней ночи? Но недоумение Лорки тут же сменилось настороженностью: человек с фонариком шел не по тропинке, а прямо по целине, через кустарник. И что самое странное, Лорка не слышал ни шагов, ни шороха раздвигаемых ветвей, ни треска сучьев — яркий огонь двигался совершенно бесшумно, точно плыл в затуманенном воздухе.

Шаровая молния двигалась, лучше сказать — плыла, со скоростью быстро идущего человека на высоте около метра от земли, бесшумно волоча за собою пятно освещенности. На такой же высоте она облетела кустарник, всплывая от земли на два, а то и три метра, — вот почему Лорке показалось, что чудак-человек держит фонарь высоко над головой. На таком же расстоянии она огибала стволы редких деревьев, причем лавировала так мягко и непринужденно, точно ее движением управлял опытный пилот. Молния была величиной с крупный апельсин и излучала желтовато-золотистый, солнечный свет, но временами ее наружная оболочка словно лопалась и сквозь эти недолговечные трещины проглядывало ослепительное го-

лубоватое ядро. Движение молнии сопровождалось легким потрескиванием, похожим на шелест сухой грубой травы. Когда огненный шар проплыл мимо, Лорка заметил, что за молнией тянулся тонкий искристый хвостик. Ну чем не реактивная струя миниатюрного плазменного двигателя! И на смелую облегчению в душу Федора снова закрались смутная тревога и беспокойство. Отпустив огненный шар метров на двадцать, Лорка осторожно двинулся следом. Сокращать дистанцию Лорка опасался — у некоторых шаровых молний бывает страшно дурной нрав.

Шаровая молния вдруг скользнула вниз и скрылась из глаз. Оглядевшись, Федор подбежал к ближайшему дереву, подпрыгнул, ухватился руками за сук, подтянулся, вышел в упор и тут же увидел молнию. Огненный шар лежал в ложбинке между кустами, едва-едва касаясь своей поверхностью самых верхушек пожухлых травинок, которые не только не сминались, а, наоборот, тянулись к огненной поверхности, с которой сыпались мельчайшие, едва заметные глазам искорки. И вдруг прямо на глазах шаровая молния начала тускнеть, худеть и наконец с громким шипеньем угасла совсем. Секунду Лорка не мог поверить своим глазам, хотя знал, что такие случаи наблюдались и раньше. Потом, постаравшись возможно точнее запомнить направление, соскочил с дерева и пошел вперед. На ходу достал и включил карманный фонарик. Яркий сноп света, четко рисуясь во влажно-мглистом воздухе, прорезал темноту и светлым пятном лег на землю. Трава, опавшие листья, голые ветви кустарника, черные стволы деревьев. Лорка повел фонариком из стороны в сторону и правее впереди увидел ложбинку. Подойдя ближе, он осмотрелся, высветил дерево, с которого вел наблюдение, и окончательно убедился, что это та самая, а не какая-нибудь другая ложбинка. Тогда, опустившись на корточки, он принялся за тщательное обследование и не без труда обнаружил темноватое пятно — верхушки влажных жухлых травинок были слегка опалены. И все! Ничего больше. Федор выпрямился, испытывая странное двойственное чувство: разочарования оттого, что никакой тайны не состоялось, и успокоения... все по тому же поводу! На всякий случай, однако, повел фонариком вокруг себя и буквально в шаге от выжженного пятна, под кустом, там, где не росла трава, увидел на влажной земле четкие, довольно крупные звериные следы. Федор не был натуралистом, поэтому не мог определить, какому конкретно животному они принадлежат, хотя ему бросилась в глаза их развитая пятипалость. Но, как и любой космонавт-гиперсветовик, он был достаточно опытным следопытом, а потому легко установил, что следы были совершенно свежими. Продираясь между кустами, Лорке удалось проследить путь животного — на протяжении нескольких метров он совпадал по направлению с траекторией полета шаровой молнии и направлением тропинки. Но потом следы вышли под деревья, где земля была покрыта плотным ковром слежавшихся влажных листьев, и исчезли. Лорка принялся было обследовать периферию этого пространства, надеясь обнаружить выход следов, но потом передумал, кратчайшим путем вернулся на тропинку и быстро пошел к дому.

Окна были освещены, а возле кустарника, служившего живой изгородью, стоял небольшой мобиль-вездеход. Значит, либо Альта уже вернулась, либо его ждет кто-то из визитеров. Неизвестно почему, но от мысли, что в доме кто-то есть, Лорке стало спокойнее. Поймав себя на этом ощущении, он невольно замедлил шаг. Значит, он тревожился? Почему? Вспомнилось туманное гулкое утро, закончившееся его легкомысленным прыжком в овраг: «Как-то не так сегодня, Лорка. Как будто мы не на Земле, а в другом мире», — сказала тогда Альта. А Федор уверенно возразил ей, что они дома — все говорит за это: запахи, звуки, трава под ногами. Много ли времени прошло с той поры? Запахи, звуки остались прежними, родными. А мозг настроен, чувства обострены, и на сердце тревожно, как будто бы Лорка не дома, а за десятки световых лет, в чужом мире.

Проходя мимо мобиля, Лорка машинально осветил его фонариком, дабы убедиться, что он пуст. Прежде, до кикианской истории, ему и в голову бы не пришло проделать это. Войдя в прихожую, неярко освещенную дежурным светом, прислушался. Тишина.

— Альта, ты дома? — негромко окликнул он, снимая куртку. Ответа не было. «Кто же тогда включил в гостиную свет?» — подумал Федор и прошел в комнаты. На пути ему попался клочок бумаги. Лорка поморщился, подобрал его и швырнул в утилизатор. И вдруг он вспомнил о клочке бумаги, который подобрал возле большого телеинформара. Бумажки были похожи и по размеру и по фактуре. Мусор в целинной степи... Мусор в их чистеньком домике... Необычно и не совсем понятно. Простое совпадение? Вполне возможно, однако стоило бы рассмотреть этот клочок повнимательнее. Но тому, что попадает в эту ненасытную утробу, возврата нет, во всяком случае, в изначальном виде. Лорка с досадой толкнул ногой растрепанную задренную крышечку утилизатора, задумался, поглаживая подбородок.

Вдруг его пронзило острое, скывывающее ощущение неведомой опасности, это был даже не «взгляд на затылке», а нечто гораздо большее. Привычным усилием воли стряхнув леденящий страх, Лорка резко обернулся. В прихожей что-то шарахнулось, распахнулась наружная дверь. Заглянув в гостиную и никого там не обнаружив, Лорка метнулся к выходу, по пути нажав кнопку наружного освещения. На пороге он остановился, мгновенно охватив привычным ищущим взглядом окрестности домика, залитые теперь ярким светом. Никого и ничего! Взгляд его невольно задержался на мобиле. В тот же миг, точно почувствовав это, машина тронулась с места и, стремительно набирая скорость, стала выворачивать на проезжую дорогу, ведущую к городу. Но, видимо, за рулем сидел неопытный водитель, выполняя крутой стремительный поворот, мобиль врезался в дерево и остановился.

Перемахнув с разбегу через живую изгородь, Лорка оказался возле машины. Обе дверцы распахнуты. Никого. Рука Федора скользнула за фонариком, но остановилась на полдороге: он вспомнил, что фонарик остался в снятой куртке.

Лорка возвращался домой в глубокой задумчивости. Ведь

впервые за всю эту путаную историю присутствие кикиан на Земле обрело хотя и таинственную, но зримую, осязаемую, материальную форму. Лорка был почти уверен, что за рулем мобилы сидел не человек, во всяком случае, не обыкновенный человек — уж слишком неопытным оказался этот водитель. Даже гораздо более сильный удар не вывел бы машину из строя, у нее просто заглох двигатель. Запустить его нажатием кнопки и продолжить движение догадался бы и ребенок, уже в младших классах детей обучают вождению таких мобилей, причем не только в ординарных, но и в аварийных ситуациях. Лорка не без удовлетворения думал о том, что явно враждебных намерений у кикиан нет — ведь они даже не попытались причинить ему какой-нибудь вред. Но и дружелюбием в этом происшествии совсем не пахнет! Ревский прав: можно ожидать не только прямого, но и косвенного удара, а потому жене вряд ли разумно оставаться здесь одной. Проблемы!

...Альта пришла возбужденная, на щеках густой темный румянец, светлые глаза блестят, как тающие льдинки. Лорка помог ей снять шубку и шапочку из темного меха. Мех был синтетическим, но, пожалуй, лишь искушенный специалист смог бы установить, что это не настоящий соболь.

— Что за иллюминацию ты устроил перед домом? — с порога спросила Альта.

Лорка не собирался рассказывать жене о своих приключениях, зачем ей лишние волнения?

— В честь твоего прихода. Где ты была так долго? — с напускной строгостью спросил он.

Альта загадочно улыбалась, за приоткрытыми губами блеснула сахарная полоска зубов. Лорка покачал головой, приглядываясь к ней.

— Что-то случилось? — подозрительно спросил он.

— Случилось! — явно скрывая торжество, ответила Альта.

— Раньше говорили: жена торжествует — жди беды.

— Жди!

Альта забилась в уголок дивана, охватив руками колени. Федор пристроился рядом с ней на ковре.

— Так что же с тобой стряслось? — спросил он.

— Не со мной, а с тобой.

Синие глаза Альты задорно блестели. Лорка хмыкнул, тщательно скрывая вдруг появившееся смутное беспокойство.

— Меня решили принудительно переокрасить — из рыжего превратить в жгучего брэнета?

Альта помотала головой, поддразнила:

— Я участвовала в заочном заседании Всемирного общества женщин.

— Вот как! А почему именно ты?

— Решили, что это будет полезно.

— Так, так, — Лорка сокрушенно вздохнул. — Разве не анахронизм это общество? Почему, скажи ты мне на милость, нет всемирного общества мужчин?

— Потому что у вас нет всеобщих мужских интересов, — отпарировала Альта.

— Как это нет? Разве обязанность ухаживать за женщинами, любить их и лелеять не всеобщая? Не понимаю, чего женщины

так суетятся! Вы требовали абсолютного равенства — пожалуй-стал! Так ведь не понравилось. Сами же установили равенство условное, со всевозможными привилегиями с одной стороны и ограничениями — с другой. Мы, мужчины, народ гордый и сговорчивый: условное равенство так условное, не возражаем. Что же вам еще такое потребовалось во всемирном масштабе? Решили создать поселение амазонок? Или учинить варфоломеевскую ночь и вырезать всех мужчин старше сорока и моложе восемнадцати? — болтая, Лорка не переставал размышлять, и неожиданно у него сверкнула догадка: — Что-нибудь насчет Кики?

— Угадал!

— Ну, ну? — поторопил Лорка.

— Принято решение потребовать, чтобы в состав разведотряда была включена хотя бы одна женщина.

Альта было рассмеялась, глядя на ошарашенное лицо Федора, но сразу же заметила, что он расстроился всерьез, и положила ему руку на голову.

— Почему ты огорчился? У тебя теперь есть все основания взять меня на Кику.

— Об этом не может быть и речи, — резко ответил Лорка и, видя, как похолодели глаза Альты, мягко добавил: — Не будем возвращаться к нашим старым спорам. В моем обществе путь тебе на Кику заказан.

Альта покачала головой.

— Упрямый ты человек. И жестокий.

— Я уже слышал об этом. Вчера. От жены Соколова.

— И что ты ей ответил?

— Что справедливость нередко кажется жестокой тем, кому она невыгодна.

— Разве ты справедлив по отношению ко мне?

Лорка взглянул на жену.

— Милая моя девочка, речь идет о судьбах человечества. Ну разве можно приравнять к ним наши взаимоотношения?

Альта посмотрела в зеленые, непривычно невеселые глаза мужа.

— Неужели дела обстоят так серьезно?

— Возможно. Я как-то запутался. Но у меня такое впечатление, что очень многое будет зависеть от того, насколько умело мы сыграем роль посланцев Земли на Кике.

— А если вы ошибетесь?

— Не знаю. Даже если всемогущие кикиане придут к выводу о безусловной космической вредности человечества, во все не значит, что они зададутся целью уничтожить его. Они могут изолировать нас, ограничить или просто прервать всякие связи с нами.

— Ты убежден в могуществе кикиан?

— Вовсе нет.

Альта с сердцем оттолкнула его тяжелую голову.

— Так зачем же ты меня пугаешь?

Зеленые глаза Лорки лукаво сощурились, но остались невеселыми.

— Я запутался, Альта, а поэтому и превратился в пессимиста. Если кикиане — друзья по разуму и морали, то почему

они не выйдут на прямые контакты? Если они враги, то почему так старательно избегают причинять нам явное зло? Не беру в расчет гибель людей на самой Кике, это могло быть недоразумением. Я не вижу границ их могуществу: они действуют незримо и неслышно, галактические расстояния насколько их не смущают — и это меня пугает. Но рядом же я вижу их странное бессилие. И это вселяет в меня еще не совсем осознанные надежды.

Альта молча гладила его волосы и шею. Лорка, прикрыв глаза, говорил теперь словно про себя:

— Неведомо как они оказались на Земле, сначала погубили, а потом спасли Тима. Они ухитрились изучить нашу технику и угнали гиперсветовой корабль. Разве это не свидетельство их могущества? Но корабль сгорел в атмосфере! И разве это не говорит об их странной беспомощности?

— Загадочно все это, — после паузы проговорила Альта, соскользнула с дивана, прижалась к Федору. — И страшно.

— Странновато, — согласился Лорка.

Альта потерлась щекой о его плечо.

— Скажи, почему ты против участия женщин в экспедиции? Я уже не говорю о себе. Ты вообще против, правда?

— Правда. Настолько правда, что сделаю все возможное, чтобы воспротивиться этому.

— Ты не считаешь нас достаточно храбрыми?

Федор уловил нотку отчуждения в тоне жены и обнял ее за плечи.

— Ты не подумай, я не против смешанных экипажей и отрядов вообще. Они существуют и прекрасно выполняют свои задачи. У смешанных отрядов даже больше гибкости, они легче переносят длительные невзгоды, устойчивее к стрессам. Но это если невзгоды не превышают критических величин, а стресс не оборачивается шоком. В экстремальных условиях я отдаю предпочтение чисто мужскому составу.

— А если чисто женскому?

— Возможно, — охотно согласился Лорка. — Не зря же существовали легенды об амазонках, и достоверно известно, что у многих африканских вождей существовала чисто женская гвардия — охрана. Но по космосу нет такого опыта.

— Боюсь, тебе одному будет трудно справиться с целым всемирным обществом, — не без лукавства заметила Альта.

Лорка усмехнулся, щуря свои зеленые глаза.

— На всякий случай у меня есть запасной ход.

— Какой? Секрет?

— Нет. Надо взять в отряд такую женщину, которая не вызвала бы у мужчин специфических эмоций и петушиного ража.

Альта засмеялась.

— Бабушку?

— Ну зачем брать в отряд балласт, если он даже добр и мил? Гораздо разумнее остановиться на полноценном человеке.

Альта вдруг отстранилась от мужа, глаза ее стали сердитыми.

— Уж не хваленую ли Эллу ты хочешь взять с собой?

— Да ты с ума сошла! Она же перебаламутит весь отряд, во всяком случае, постарается это сделать, и только после это-

го успокоится и будет по-настоящему работать. Морочить головы мужчинам для нее вопрос престижа. Нет, если так уж получится, я предложу место Нике.

Альта всплеснула руками.

— Названной сестренке? Она же совсем еще девочка!

Лорка покачал головой.

— Она так выглядит. А на самом деле ей уже шестнадцать лет, и она имеет право распоряжаться собой.

Альта смотрела на мужа с удивлением.

— А ты и правда жесток, Лорка. Неужели тебе ее не жалко?

— Мне ее жалко, — хмуро ответил Федор.

— Ничего себе жалость!

— Она может отказаться.

— Ника не из тех, кто отказывается. И ты это знаешь.

— Я ее жалею, — упрямо повторил Лорка. — Если бы не это, я бы пригласил ее участвовать в экспедиции и без Всемирного женского общества. Но если я буду поставлен перед необходимостью, то первое предложение сделаю Нике. В таких делах личное ничто по сравнению с общественным долгом. Никто не простит мне ошибок.

Альта опять прижалась щекой к его плечу.

— Может быть, ты и прав.

— И еще одно, — Лорка помолчал, — временно нам придется жить не здесь, а в городе.

Альта вскинулась, взглянула в глаза мужа.

— Почему?

— Пусть это будет моей маленькой тайной.

7

Игоря Дюка Лорка отыскал в бассейне. Собственно, это был не бассейн, а большой участок морской мелководной акватории, оборудованной для купаний, плавания, водных и подводных спортивных игр и прыжков. Игорь стоял в непринужденной позе на самом краю площадки десятиметровой вышки, небрежно опираясь на перила, и смотрел вниз на голубую, будто подкрашенную синькой воду, а поэтому не заметил приближения Федора. Лорка сел у самой воды на упругую, теплую скамью. Покосившись на безжалостное тропическое солнце, словно окутанное раскаленной шалью, Федор нажал клавишу комфортных условий. Позади него немедленно потянулся вверх штырь с набалдашником. Когда он достиг нужной высоты, над головой Лорки с сухим треском раскрылся большой зонт и из-под его голубого шатра повеяло легким потоком прохладного воздуха. Лорка распахнул ворот рубашки, блаженно откинулся на спинку скамьи. Теперь можно было заняться делом. Лорка посмотрел на вышку — поза Игоря изменилась, она приобрела настороженность, и смотрел Дюк теперь не на воду, а прямо на Лорку. Игорь вдруг театрально развел руками и радостно-удивленно крикнул:

— Федор!

— Это не я, — расслабленно ответил Лорка, подставляя прохладным струям воздуха то одну, то другую щеку.

— Федор, рыжий ты ангел!

Дюк на секунду вытянулся стрункой — темный силуэт на белесо-голубоватом небе. Тонкий, гибкий — прямо юноша, только развитые плечи да посадка головы выдавали его истинный возраст, — он хотел сделать тройное сальто, но перекрутил и, входя в воду, поднял косою веер брызг.

Вынырнув, Дюк выпустил изо рта струйку воды и наставительно сообщил:

— Вот как не надо делать тройное сальто с десятиметровой вышки!

— Верно, — согласился Лорка, — не надо так. Нехорошо. Незстетично.

Дюк сделал несколько мощных гребков, выбрался на берег и, скаля зубы, принялся вытираться мохнатым полотенцем. Под загорелой кожей перекачивались и играли мышцы. Усаживаясь рядом с Лоркой, Игорь спросил:

— Ты один или с Эллой?

— А что, надо было привезти?

Игорь не ответил и, пристально глядя на воду, жестом призывал Лорку к молчанию. Федор ничего не понял, однако, подражая Дюку, принялся смотреть на воду. Но ничего не происходило, вода как вода.

— Ожидается явление Христа народу? — шепотом спросил Лорка.

Игорь скорчил презрительную гримасу.

— Дядька Черномор с прекрасными витязями?

С той же миной Дюк помотал головой. Федор хотел спросить еще о чем-то, но не успел. Вода легонько вспучилась, загузырилась, и на поверхности появилась хорошенькая девичья головка. Она встряхнула коротко стриженными волосами, нараспев укоризненно сказала:

— Что же вы, Игорь?

Дюк не без торжества взглянул на Лорку и скороговоркой спортивного комментатора проговорил:

— Одно из торжественнейших событий сегодняшнего дня — рождение Афродиты из морской пены. Зовут Ладой.

Лада перевела взгляд с Игоря на Лорку, потом обратно, неторопливо вытерла еще раз ладонью лицо и так же нараспев выговорила:

— Болтун вы, Игорь. Неисправимый.

Пока она подплывала к берегу, движения у нее были плавные, изящные, но довольно энергичные, Дюк в том же репортажном тоне вещал:

— Неблагодарность свыше — проклятие рода человеческого всех времен и народов. Боги никогда не понимали людей. А если и понимали, то не так, как нужно. Когда же случилось понять по-настоящему, вместо наград на голову бедных смертных обрушивались всякие кары и злодейства. Исключение составляла Афродита, она многое и с чистым сердцем дарила и богам и людям. Например, Парису она подарила яблоко. Но, увы, это было ужасно давно, а я не Парис. Я гораздо лучше! Но за то, что, изнемогая от волнечного зноя, наблюдал с вышки за божественными ходами скоростного подводного ориентирования, новоявленная Афродита вместо яблока наградила меня титулом болтуна.

Лениво вытираясь мохнатой простыней, «Афродита» с рассеянной улыбкой слушала болтовню Игоря. Она и правда была похожа на светлую богиню любви. Платиновые волосы, фиалковые глаза, мягкие черты лица, нежный золотистый загар и несколько массивные скульптурные формы. В ней не было эллантности Эллы, изящества Альты, спокойной женственности Валентины. В ее замедленных, льющихся движениях была своя, особая грация, обращенная не на окружающих, а как бы внутрь себя.

— Хорошо, вы получите свое яблоко.

— Из ваших божественных рук?

— Разумеется. За ужином.

— О жалкий жребий мой! Я мечтал совсем о другом, — сокрушенно возгласил Игорь.

Молодая женщина легонько шлепнула его по руке и с медлительной гибкостью поднялась на ноги.

— Забирайте его с собой, Федор... Для санатория у него слишком много энергии.

— Куда же я его дену, такого энергичного?

— На Кику. Да вы не удивляйтесь, он мне все уши прожужжал о вас и об этой планете.

Она перекинула простыню через плечо.

— Мне пора. До свидания, Федор.

Провожая ее глазами, Лорка спросил вполголоса:

— Влюблен?

— Пока нет.

— А потом?

— Кто из смертных может уверенно говорить о «потом»? — усмехнулся Игорь и добавил уже серьезно: — Я жалею ее. Не удивляйся — у нее искусственные легкие, оба. Поэтому и занимается подводным плаванием — соединяет приятное с полезным, под высоким давлением ускоряется функциональная приживаемость этих органов. А дыхательные пути и легкие ей выжгло дотла на заводе синтезпродуктов. Произошла утечка какого-то сверхъядовитого промежуточного вещества. Дыхательные пути ей регенерировали, а вместо легких — биомехи.

— Так она же здорова теперь. За что же ты ее жалеешь? — хмуро спросил Лорка.

По губам Дюка скользнула улыбка.

— По инерции. Ты видел ее? Разве не Афродита?

— Красивая женщина, — подтвердил Лорка.

— А красивые женщины очень уязвимы во всем, что касается их внешности, да и просто здоровья. У Лады была жестокая депрессия после реанимации. Она считала себя неполноценной, уродкой, помесью человека и механизма. Ей не хотелось жить. Двамя неделями раньше ты бы не узнал ее, это была тень теперешней богини. У меня сердце сжалось, когда я ее увидел. — Игорь плутовато усмехнулся. — И я принялся напропалую за ней ухаживать. Говорил комплименты, иногда выглядел таким прожженным ловеласом, что даже окружающие морщились. Изображал роковую влюбленность в духе рыцарского средневековья и страданий молодого Вертера. Специально перечитал эллинскую мифологию. Она быстро разобралась,

что я дурака валяю, но незаметно втянулась в эту игру. Сказался инстинкт красивой женщины.

— Так и играете до сих пор?

Дюк задумался, пожал плечами и вдруг засмеялся:

— А черт его знает! Во всяком случае, мы по-настоящему подружились, и игра у нас уже другая.

Помедлив, Лорка спросил:

— Ты уж прости меня, но почему ты спросил про Эллу?

— А что, нельзя?

— Почему же нельзя?

— Вот я и спросил. — Дюк помолчал. — Недавно мы говорили с ней по видеофону. Спрашивает: «Невестить тебя?» Я говорю: «А это нужно?» — «Наверно, не нужно», — отвечает. — Игорь взглянул на Лорку и усмехнулся. — Трудно рвать старые цепи. Даже когда они насквозь проржавели и стали не крепче бечевки.

Лорка присмотрелся к его лицу и круто сменил тему разговора, благо он уже понял, что к чему.

— Послушай, Игорь, а что, если тебе последовать совету Ладь?

Дюк непонимающе взглянул на него.

— А именно?

— Отправиться со мной на Киду.

Игорь присвистнул, разглядывая Лорку, видимо, разбирался, не шутит ли.

— Ты для этого и прилетел, рыжий ангел? — проговорил он наконец.

— Дьявол, теперь уже дьявол, Игорь. Я же собираюсь утащить тебя на Киду, а это настоящая преисподняя, судя по всему.

Южное, чуть скуластое лицо Дюка стало сосредоточенным, приобретая законченные скульптурные черты.

— Я и правда мечтал об этом, но справлюсь ли? Дело серьезное, надо подумать.

Лорка видел, что Игорь, как это иногда случалось с ним, немного актерствует, а поэтому сказал суховаго:

— Не строй барышню-дворянку, которой кузен предлагает руку и сердце. Время не терпит. Мне нужен ответ немедленно.

— Ишь ты, даже подумать нельзя!

— По-моему, ты уже давно обо всем подумал.

Игорь захохотал.

— Что верно, то верно. Что ж, поступим по рецепту древних храбрецов: вперед, на Киду! — Он помолчал, теперь уж серьезно поглядывая на Федора, попросил: — Если не трудно, введи меня в курс последних событий. Хотя бы коротко.

Лорка отдавал себе отчет, что имеет дело с опытным космонавтом, не раз возглавлявшим экспедиции. Потому со всеми подробностями рассказал Игорю и о своих планах обследования Кики, и о последних событиях вплоть до гибели угнанного с Плутона гиперсветового корабля, и о происшествии с шаровой молнией. Это последнее заинтересовало Игоря больше всего.

— Ты знаком с гипотезой Тоницы? — спросил он.

— Не припоминаю.

— Очень любопытная гипотеза. Выдвинута в середине двадцать первого века, когда было создано несколько различных подобий шаровой молнии и когда окончательно выяснилось, что путей создания подлинной долгоживущей молнии без искусственной стабилизации внешней подкачки энергии пока не существует даже в перспективе. Тоница на основании анализа огромного количества фактов утверждал, что под понятием «шаровая молния» обобщается целая группа плазменных объектов, имеющих принципиально различное происхождение, структуру и эволюцию. Тоница допускал, что некоторые из этих плазмOIDов могут иметь искусственное происхождение — быть вестниками или разведчиками иных цивилизаций. Собственно, это уже другая гипотеза, о так называемых неопознанных летающих объектах. Она имеет древние корни, обширную литературу и... ни одного безусловного фактического подтверждения.

— Это мне известно, — начал было Федор, но Игорь не дал перебить себя.

— Погоди, я еще не выплеснулся до конца. Когда я усердно занимался своей любимой философией космоса, я наткнулся на теорию Сингха Ривейры. Системой строгих уравнений он показал, что так называемая субпространственная телетранспортировка может производиться плазменными объектами с достаточно высокой температурой.

— То есть сначала предмет или нас, грешных, надо преобразовать в плазму, а потом выполнить обратную трансформацию?

— Вот именно!

Лорка задумался и вдруг по какой-то прихотливой ассоциации спросил:

— Послушай, ты за последние дни не получал какого-нибудь странного послания?

— Какого послания? — удивился Дюк.

— Рукописного, на оберточной бумаге.

— На оберточной... — повторил Игорь сосредоточенно и как-то странно взглянул на Лорку. — Ты уверен, что это действительно?

Федор насторожился.

— Неужели получал?

— Представь себе. — Игорь смотрел на Лорку с некоторым недоумением. — Получал. И, по-моему, не успел еще выбросить.

Дюк еще посидел на скамье, что-то припоминая, потом поднялся и пошел к кабине, где висела его одежда. Он задержался там куда больше, чем рассчитывал изнывавший от нетерпения Лорка. Вернулся Игорь скорым шагом и, не присаживаясь на скамью, спросил:

— Шхуна — это корабль?

— При чем тут шхуна? Записка сохранилась? — нетерпеливо спросил Лорка.

— Шхуна — это корабль, ведь так? — с непонятной настойчивостью повторил Дюк.

— Корабль. Старинный парусный корабль с какой-то там специфической оснасткой.

Игорь сосредоточенно кивнул головой, потом протянул руку и разжал ладонь. На ней лежал сложенный четверо клочок бумаги.

— Нашел в кармане брюк дня три назад. Здесь же, в кабине, когда переодевался. Хотел выбросить, но потом решил позвать Ладе, да забыл. Так и завалилась.

Рука Лорки дрогнула, когда он брал эту бумажку, годившуюся, казалось, лишь для утилизатора. Развернул. На ней была безграмотная надпись, сделанная корявыми, прыгающими буквами. «Черезсветная шхуна сгорела ошибочным расчетом. Не надо быть опасаемыми. Это есть конец разговоров на значах. Уходящий совсем последним».

Федор рассказал Игорю, при каких обстоятельствах приходилось ему самому находить такие же бумажки.

— Жаль, — сказал Дюк с искренней досадой. — Жаль, что тебе не пришло в голову как следует разглядеть их. Скорее всего они содержали какие-то сообщения.

— Скорее всего так, — уныло согласился Федор. — Но разве мне могло прийти в голову, что инопланетяне будут общаться с нами безграмотными записками на жалких клочках бумаги! Игорь усмехнулся.

— Да и мне инопланетные контакты рисовались совсем по-другому. Что-то вроде дипломатического визита или симпозиума с использованием совершеннейших средств информации. Действительность, как и всегда, куда проще и вместе с тем гораздо запутаннее наших домыслов. — Дюк помолчал, сосредоточенно хмуря брови, и уверенно добавил: — Убежден, что, прежде чем обратиться к такому примитиву с записками, кикиане использовали массу других средств связи. Но не имели успеха.

— Если только это не был успех наизнанку, — невесело уточнил Лорка.

— Что ты имеешь в виду?

— Гибель людей на Кике.

— Вот как? А вообще-то вполне возможно. Попытки прямой передачи информации на мозг и на Земле кончались плачевно. Чуть больше, чем нужно, мощност, резонанс с биоритмами мозга — и либо припадок, либо смерть. — Игорь вздохнул. — Все-таки чертовски жаль, что ты не обратил внимания на другие записки.

Секунду Лорка рассеянно смотрел на товарища, что-то припоминая, потом не совсем уверенно проговорил:

— Подожди! Думаю, что еще одну записку мы найдем.

И он рассказал Игорю о своем странном разговоре с Тимуром.

8

У домика Тимура Лорка замедлил шаг. Всего неделя прошла, как он был здесь, а все изменилось, все погрузнело вокруг. Поредела роскошная крона раскидистой липы, опавшими листьями была усеяна не только земля, но и чурбаки, служившие стульями, и костер, превратившийся в грязное черное пятно, и синтетическая дорожка, убегавшая в глубь леса. Плавали листья в большой неожиданно чистой луже, равнодушно отра-

жавшей скучные серые облака и тревожную просинь небесных окон, из которых иногда выбрызгивало солнце.

Лорка отодвинул бесшумно скользившую дверь и с удовлетворением убедился, что Тим еще не покинул своего уединенного жилища и что заблаговременно обдуманый разговор с ним не придется откладывать. Лорка откашлялся, чтобы привлечь к себе внимание, в коридор выглянула Валентина и осветилась улыбкой.

— Федор! Как хорошо, что вы прилетели.

— Так уж и хорошо? — Лорка переминался с ноги на ногу, ожидая, когда искрящиеся ворсинки пышного ковра вычистят и высушат его сапоги.

— Конечно, хорошо. Да хватит вам топтаться, проходите!

Лорка прошел в гостиную, не без опаски опустился на изящный, хрупкий на вид дачный диванчик. Усаживаясь напротив, Валентина засмеялась, показывая крупные жемчужные зубы.

— Этот диванчик всех пугает.

Большие серые глаза Валентины следили за ним улыбочиво и приветливо. И оттого, что в этих глазах не было даже самого легкого недовольства или обиды, Лорка с новой остротой почувствовал свою невольную вину перед этой женщиной — ведь как-никак, а именно он разлучал ее с мужем и, может быть... У него мелькнула мысль — навсегда, но он тут же и очень сердито поправил себя: «Надолго, а не навсегда. Надолго!»

— Значит, напугала вас осень, удираете? — спросил он вслух, стараясь отвлечься от своих непрошенных мыслей.

— Да что вы! — откровенно удивилась Валентина. — Мы любим осень, особенно я. Даже вот такую, когда дождь, ветер и листья летят по воздуху. Сидеть у окна, слушать и смотреть на все это — ведь правда хорошо?

Лорка засмеялся — он, уроженец солнечного юга, терпеть не мог ветреной и дождливой погоды, она нагоняла на него тоску.

Глядя на оживленное лицо молодой женщины, Лорка снова, как укол, ощутил чувство вины перед ней.

— Валя, вы не сердитесь на меня? — вдруг чисто импульсивно спросил он.

Она подняла брови, неумело поморщив свой чистый лоб.

— За что?

— А за то, что я забираю в экспедицию Тима.

— Разве он не по своей воле летит с вами?

Большие серые глаза Валентины смотрели на Лорку ясно, покойно, даже простодушно, без самой малой капельки иронии. Федор ощутил сложное, противоречивое чувство: и облегчение, и стыд из-за того, что не сумел сразу оценить спокойную жертвенность и своеобразное величие этой жены и матери.

— Да и как ему не лететь, когда вы летите? Конечно, Кика — страшное место, но не так уж чтобы очень. Вы с Тимом бывали в местах и пострашнее, правда?

— Еще бы! — Лорка постарался не сфальшивить.

Валентина кивнула в знак согласия.

— Тим мне рассказывал. — Она подумала и рассудительно добавила: — Потом у вас очень сильный по составу разведотряд. Все в отличной форме. И еще... — Она вдруг осеклась,

с каким-то лукавством и торжеством взглянула на Федора и, круто меняя тему разговора, вдруг предложила:

— Хотите, я вам дочку покажу?

— Хочу. — Лорка поднялся с диванчика. — А где Тим? Спит или опять по грибы пошел?

— И не спит, и не по грибы, — с ноткой таинственности ответила Валентина. — Скоро придет.

— Придет? Откуда?

— Секрет. — Валентина осторожно отодвинула дверь детской.

— А почему удираете отсюда — тоже секрет?

— Тоже секрет. Да вы проходите.

— И тут секреты, — пробормотал Лорка, перешагивая вслед за Валентиной порог маленькой комнатки.

В колыбели, стоящей у стены, сладко спала голенькая, покрытая легким загаром девчушка — пухленькое существо с перетяжками на ручках и ножках. Личико сосредоточенное, крохотный ротик приоткрыт.

— Спит, — прошептала Валентина.

— Знаете, Валя, — сказал вдруг Лорка. — Я вот боюсь младенцев. Честное слово! На расстоянии еще могу любоваться, а вот как дадут мне их на руки — боюсь: вдруг у них что-нибудь там поломается.

Валентина засмеялась.

— Ох и бестолковые вы, мужчины!

— Вы тоже хороши. Девочка спит, а свет как на солнцепеке. Нет бы выключить.

— Как можно! Днем дети должны спать при свете. Загорать и крепнуть. Разве можно ломать естественные условия и ритмы?.. Федор, да вы не слушаете меня!

— Слушаю. — Лорка улыбнулся. — Но еще и думаю о своем.

— О чем?

— Например, о том, куда все-таки запропастился Тим.

Лицо Валентины вдруг отразило беспокойство.

— И правда, что-то долго его нет. Уж не случилось ли чего? — Она поспешно встала. — Пойдемте, Федор.

Выйдя из домика и пройдя шагов десять по синтетической дорожке, Валентина свернула к кустам и остановилась возле люка, закрытого крышкой и ведущего куда-то под землю.

— Здесь у Тима лаборатория, — пояснила она, нагибаясь к крышке.

Лорка с улыбкой отстранил ее.

— Только осторожнее, — поспешно предупредила Валентина.

Не поняв хорошенько, что бы могло означать это предупреждение, Лорка откинул неожиданно массивную крышку и увидел легкую лесенку, ведущую в хорошо освещенное помещение. Он еще успел подумать, на кой черт Тимуру понадобилось устраивать себе какую-то примитивную подземную лабораторию, как вдруг голова у него закружилась, а мысли спутались. Лорка распрямился. Его приметно шатнуло. Пошире расставив ноги, Федор огляделся: ему почудилось, что началось землетрясение, как будто он стоял не на твердой почве,

а шел по бурному морю на небольшой яхте. Деревья, кустарники, трава и Валентина плавали в каком-то призрачном тумане, покалывало мышцы и ломило кости, откуда-то поднималось темное чувство страха.

— Отойдите от люка! — как сквозь ватную стену, донесся до него отчаянный крик Валентины.

И в тот же миг землетрясение прекратилось, исчез прозрачный туман, точно его сдуло ветром. Лорка прикрыл глаза и утомленно провел рукой по лицу, стирая капельки пота.

9

Ревский был сердит по-настоящему. В таком состоянии он никогда не повышал тона, не сверкал глазами и вообще не выказывал заметных эмоций, только четкие черты его рубленого лица становились еще резче, а морщины — глубже. Выслушав доклад Лорки и Тимура Корсакова, он долго сидел молча, погрузившись в раздумье.

— Вы поступили как мальчики, увлеченные интересной игрой, но не как взрослые люди, которым поручено серьезнейшее и ответственное дело. Я не уверен, смогу ли я теперь доверять вам так, как доверял раньше. И я не знаю, как мне поступить, — сказал наконец Ревский.

Тимур, который не мог не чувствовать, что на его плечах лежит основная доля вины за скрытность и самовольство, счел нужным заметить, хотя это и получилось у него не совсем уверенно:

— В конце концов, ведь ничего страшного не произошло. Наоборот, удалось узнать много нового.

Ревский остановил его сентенцию:

— Не все измеряется конечным результатом. Это лишь в старину да и то беспринципные люди смели верить, что цель оправдывает средства.

Лорка вздохнул. Ревский, внимательно взглянув на него, грустно сказал:

— И ведь главная вина на тебе, Федор.

— Знаю.

— Почему? Это я все затеял, — возразил Тимур.

— Ты затеял, а он командир, — отрезал Ревский. — Что это за тайны и секреты от Совета космонавтов? Для чего тогда вообще существует этот Совет? Лаборатории, научные станции и медицинские учреждения? На свой риск и страх занялся экспериментами!

— Право на риск — это мое право, — огрызнулся Корсаков.

— Да, у тебя есть такое право. Но это право простого человека. А ты сейчас не простой человек, а член особого разведотряда, наделенного чрезвычайными полномочиями и ответственностью. Случись что с тобой, и экспедицию на Кику пришлось бы откладывать до выяснения всех обстоятельств. А поди-ка разберись во всей этой путанице с безграмотными записками и инфразвуковыми экспериментами!

— Я был очень осторожен, Теодорович, — улыбнулся Тимур.

Но Ревский не принял его улыбки.

— Ты уж лучше молчи о своей осторожности! Выкопал себе нору и стал проверять, так ли он легко помирает, как другие!

— Нору я выкопал в порядке подготовки к экспедиции, — смиренно ответил Тимур. — Ты же сам утверждал программу тренировок, Теодорович. Есть там и такой пункт, как постройка убежища.

— Есть, — подтвердил Лорка, пряча улыбку. — И даже с оговоркой, что убежище должно быть подземного или пещерного типа.

Ревский шумно вздохнул, побарабанил пальцами и буркнул: — Ладно. Оставим пока ваше легкомыслие. Проанализируем ситуацию по существу, — и, хмуря брови, внимательно перечитал сообщение, коряво написанное на клочке бумаги. Там значилось: «Когда если не беретесь космичу настаиваете сильно. Большая будет предстоять польза. Страхом не надо быть имесным. Вы единственный с резервом инфразы».

Лорка не ошибся. Тимур действительно получил, причем ранее, чем кто-либо другой, таинственную записку. В отличие от Игоря ему и в голову не пришло, что это шутка. Какую-то роль сыграло и мнение Валентины, сразу уверившейся, что это сообщение от кикиан. В то же время Тимур не без оснований решил, что очень нелегко будет заставить других людей, особенно ученых, серьезно отнестись к этой безграмотной стряпне. Сначала надо было попытаться выяснить смысл этого не совсем понятного сообщения, поторопившись же, можно было лишь скопрометировать себя.

Тим предположил, что после вмешательства кикиан в его жизнь он приобрел какое-то особое качество, резерв, как говорилось в записке, которое будет полезным ему на Кике, — свойство инфразы. Но что это за инфраза, черт ее подери? Может, он наделен теперь способностью понимать дотеле неизвестный, а именно кикианский, язык? Сославшись на перспективу участия в кикианской экспедиции, Корсаков прошел дополнительное и очень тщательное нейропсихическое обследование по разделу памяти. Однако ничто не свидетельствовало о том, что его мозг обладает каким-то скрытым запасом сведений и возможностей. Так, может быть, инфраза — это инфразащита, защита от низкочастотных колебаний, механических, звуковых, электромагнитных или каких-нибудь иных? Особенно заинтересовался Тимур инфразвуками. Как и всякий космонавт, Тимур был знаком с основами медицины. Он знал, что определенные спектры инфразвуков достаточной интенсивности могут оказывать на человека сильное психическое воздействие, вызвать припадки эпилептического типа и даже смерть. Покопавшись в литературе, Корсаков обнаружил, что о воздействии инфразвука на людей знали еще в XX веке.

Первым это совершенно случайно обнаружил ученый, физик Вуд. Стараясь придать звучанию концертного органа особые краски, он встроил в него трубы, издававшие инфразвуки. На особый эффект он не рассчитывал, но, когда эти органные трубы неслышно зазвучали, публика пришла в состояние необъяснимого ужаса и разбежалась из концертного зала.

Когда Тимур прочитал о том, что при воздействии некото-

рых инфразвуков смерть человека наступает от паралича сердца, он сразу же сопоставил это с гибелью людей на Кике. Полный параллелизм, если не совпадение! Он сначала просто не мог понять, как ученые, анализировавшие обстановку на этой планете, могли пройти мимо такого объяснения. Когда Тимур поделился своим недоумением с женой, Валентина ненадолго задумалась, а потом с мягкой, грустной улыбкой проговорила:

— Люди быстро забывают то, что им становится ненужным. Разве мы умеем добывать огонь трением? Разве мы не забыли целую кучу кустарных, ручных промыслов?

И все-таки Тимур Корсаков с обстоятельностью, свойственной опытным гиперсветовикам, решил поставить эксперимент прежде, чем говорить о своих догадках Совету космонавтов. Готовой инфразвуковой аппаратуры он не нашел, но собрать ее было несложно. Не без труда сломив сопротивление Валентины — она считала, что лучше обратиться к специалистам или, по крайней мере, ввести в курс дела Лорку, — Тимур оборудовал лабораторию и принялся за опыты. Он сразу же выявил, что его чувствительность к амплитудному воздействию инфразвука самая ординарная и что, скажем, смерть от разрыва сосудов при частоте в 7 герц постигнет его столь же легко, как и любого другого человека. Но, когда он перешел к экспериментам с инфразвуком сложного спектра с психическим подтекстом, картина резко переменилась. Инфразвук, которую, как сообщала записка, имел в резерве Тимур Корсаков, действительно оказалась защитой от инфразвуковых излучений.

Когда в тот знаменательный день встревоженный Тимур выбрался из своей инфразвучившей лаборатории, Лорка еще не совсем пришел в себя.

— Надо было постучать, — укоризненно сказал Тимур Валентине и с улыбкой повернулся к Федору: — Жив?

— Наполовину, — хмуро ответил Лорка и потрянул головой, окончательно приходя в себя. — Что там у тебя за чертовщина?

— Всего-навсего генератор инфразвука.

Лорка посмотрел на серые с синими окнами облака, на виновато улыбающуюся Валентину, перевел взгляд на Тима и, пораженный неожиданной догадкой, спросил:

— А тебе, стало быть, это хоть бы что?

— Ну не совсем так. Но, как я смог определить, чувствительность у меня на инфразвук примерно на порядок меньше, чем у неподготовленных людей.

Зеленые глаза Федора сощурились.

— А ну подавай сюда записку!

Лицо Тима вытянулось.

— Ты знаешь об этом сообщении? — Он обернулся и вопросительно посмотрел на Валентину.

— Сообщение, адресованное тебе, не единственное, — пояснил Лорка. — Оберточная бумага, корявые буквы, безграмотность.

— Все верно, — сказал Тимур, доставая из кармана послание.

Именно его и перечитывал теперь Ревский.

— Теодорович, — осторожно проговорил Лорка, — после этих двух записок вряд ли можно сомневаться в дружелюбии кикиан.

— Пожалуй, — без особого воодушевления согласился Ревский. — Но записки записками, а нужно детальное обследование разведотряда на инфраустойчивость. Нужно установить индивидуальные возможности каждого. Бывают же люди с уникальным слухом, зрением, голосом. Почему бы некоторым не иметь уникальную инфраустойчивость, пусть не такую, как у Тима, но все-таки.

— Нужна обоснованная система инфратренировок, — вставил Лорка. — Хотя приятного в них мало.

— Верно. И нужно срочное задание врачам. Не может быть, чтобы, навалившись скопом на проблему инфраустойчивости, наша славная медицина что-нибудь бы да не придумала.

— Должна придумать, — согласился Лорка.

— А сроки? — тихонько вставил Тимур.

Ревский сразу помрачнел.

— Да, сроки. В конце концов, их можно пересмотреть, оттянуть.

— Нежелательно.

Ревский не успел ответить. Экран видеофона осветился, и на нем обрисовалось лицо дежурного по совету.

— Вам срочная депеша с большого телеинформара.

— Давайте.

— Извлечение из гравитопосылки. Особой срочности. На Кике отмечены процессы, идентичные ядерным взрывам мощностью до нескольких мегатонн. Конец сообщения.

Космонавты переглянулись.

— Вот тебе и мирные намерения кикиан, — пробормотал Ревский и поднял глаза на дежурного. — Это все?

— Генеральный секретарь Всемирного Совета просил встречи с Федором Лоркой. Если это возможно, то завтра в одиннадцать.

10

Кабинет начальника плутонского космопорта по земным масштабам был слишком велик и роскошен. Впрочем, такого рода излишествами страдали все помещения на Плутоне: и общественные, и личные, и служебные, и бытовые. И в этом не было ничего удивительного. На Земле в распоряжении людей есть леса, парки, морские, речные и озерные зоны отдыха, горные регионы санаторного типа, и помещения играют скорее утилитарную, нежели эстетическую роль, хотя одно, разумеется, не исключает другого. В космических же условиях, будь то планетные гермогорода или базы открытого космоса, в зданиях проходит практически вся жизнь человека.

Окно в кабинете было громадным, во всю переднюю стену, поверхность его была цилиндрической и выступала из корпуса здания наподобие балкона. Через это хрустальной прозрачности окно в кабинет с черно-серебристого неба смотрели

колючие немигающие звезды и лился странный, нежный и волнующий жемчужный свет. В нем не было ни щедрой теплой яркости солнечного света, ни призрачного таинства лунного освещения; свет этот был ласков и покоен — ни грусть, ни радость, ни явь, ни сон, а сладкая дрема.

Лорка вошел в прямой световой поток, провел по воздуху ладонью, точно пытался погладить или зачерпнуть этот сказочный свет, а потом взглянул в окно. Его глаза больно ужалила яркая золотая звезда — Солнце. Ужалила не только в глаза, но и в самое сердце — оно заныло, как всегда ноют человеческие сердца, когда еще свежи томление и своеобразное грустное счастье любовной разлуки. Лорка зажмурился, но все равно каждой клеточкой кожи, ресницами подрагивающих век он ощущал нежную, как дыхание ребенка, едва уловимую ласку далекого, а потому еще более родного светила. И еще он чувствовал взгляд Альты, он видел ее глаза — такие неожиданные, такие укоризненные, такие светлые глаза на темном лице.

Стены кабинета имели розоватую окраску, потолок был светло-голубым, пол — светло-зеленым. Жемчужные лучи многократно отражались от этих полуполированных поверхностей, что создавало иллюзию дневного освещения.

Да, цветов и зелени в этом кабинете было недостаточно, а вот хозяина, начальника космопорта, Гаспара Тагоровича Аргоняна, не было — запаздывал. Лорка знал Аргоняна, потому легко представил себе, чем он сейчас занимается: конечно же, беседует с группой ведущих инженеров, начальников бригад, которые готовили «Смерч» к старту на Кику. Лорка пододвинул кресло, сел и подумал, что Тимур и Виктор Хельг, конечно, уже на корабле, а остальные вот-вот должны прийти.

Лорка не ошибся: Игорь Дюк, Соколов и Ника Сонлей стояли в этот момент на шестом причале, где был ошвартован «Смерч», в кабине только что остановившегося лифта. Двери его бесшумно раздвинулись, Соколов шагнул было вперед, но нога его на полушаге повисла в воздухе. В отличие от всех других гиперсветовые корабли стартовали не с поверхности Плутона, а со старт-спутника, находящегося на стационарной орбите, поэтому Соколову почудилось, что он шагает прямо в открытый космос. Звезды, щедро, слишком щедро рассыпанные и размазанные по небу, смотрели на него со всех сторон. Смотрели сурово, холодно и осуждающе. Игорь засмеялся, осторожно отодвинул Соколова в сторону и шагнул вперед, на прозрачный композитный пол.

— Все в порядке, Александр Сергеевич, — Игорь прыткнул ногой. — Прозрачен, но металлов тверже он и крепче пирамид.

Соколов усмехнулся, но шагнул вперед с опаской, точно на тонкий лед. Ника скорее машинально, чем сознательно, придержала его за локоть. Соколов укоризненно взглянул на нее.

— Это мне по рыцарским канонам положено предложить вам руку.

Прозрачный пол только намеком отражал их ярко освещенные фигуры, а сквозь него теперь просматривалась серебри-

сто-серая поверхность Плутона, изрезанная извидами и иероглифами черных теней.

— Как, впечатляет? — спросил Игорь.

— Впечатляет, — спокойно согласился Соколов и еще раз, уже смелее, притопнул ногой. — Непонятно только, к чему такие театральные эффекты?

— А для того, — Игорь повел рукой вокруг себя, — чтобы можно было без помех пить настоящий на звездах волшебный напиток космических тайн.

Ника засмеялась и добавила:

— А еще для того, чтобы удобнее было следить за причаливанием, швартовкой, погрузкой и отходом кораблей.

Соколов достал из кармана большой белоснежный платок, не торопясь вытер лицо и шею.

— И везде-то они побывали, и все-то они видели, — проворчал он, спрятав платок в карман и лишь теперь обратил внимание на мощную колонну, тянущуюся к звездам. — А это что за сооружение?

— Это и есть наш корабль, так сказать, вид вблизи. Прошу любить и жаловать.

Запрокинув голову, Соколов несколько критически разглядывал вздымавшийся над ним «Смерч».

— Ничего, — сказал он наконец, — но, судя по голограммам, я ожидал большего.

— Недостает иллюминации и цветочных ожерелий?

— Что цветы? Эфемеры! — невозмутимо ответил Соколов. — Дело в масштабах. Мне не раз приходилось вот так же, рядом, видеть планетарные лайнеры. Это действительно впечатляющие конструкции! Размеры, элегантность линий и внутренний комфорт. А это, — он еще раз, запрокидывая голову, оглядел корабль, — нечто вроде древних ракет на химическом топливе.

Слушая его, Игорь с нарастающим выражением грусти на лице покачивал головой.

— Древних ракет? Да что вы! Эта штука, — он презрительно кивнул на корабль, — хуже. Много хуже!

Соколов усмехнулся.

— Почему же?

— Потому что она опаснее.

Тень беспокойства скользнула по лицу Соколова, Ника с трудом сдерживала улыбку.

— Гораздо опаснее, — печально повторил Дюк и со вздохом погладил нейтральный корпус корабля ладонью. — Судите сами, чем заправлялись древние ракеты? Такими натуральными, домашними, хорошо прирученными веществами, как водород и кислород. Да их можно было черпать ведрами и носить в начальные школы, чтобы ставить там показательные опыты по влиянию низких температур на свойства материалов! Немыслимо, но даже при взрывах энергоустановок и двигателей у экипажа были шансы уцелеть. История космоса знает такие случаи. А теперь? — Игорь безнадежно махнул рукой. — Гипервещество, на котором работают ходовые двигатели, только и дожидается, как бы вырваться на свободу из-под контроля автоматики гашения и ахнуть так, чтобы от корабля вме-

сте с его бедным экипажем не то что пыли, но и атомов не осталось.

Ника наконец не выдержала и сказала со смехом:

— Да не слушайте его, Александр Сергеевич! Он вас пугает!

Игорь прижал руку к сердцу.

— Я? — Он покачал головой и снова с грустью и нежностью погладил корпус корабля. — Ни в коей мере. Я только беспристрастно констатирую очевидные и, если можно так выразиться, вопиющие факты. А факты вещь упрямая.

— Да, факты вещь упрямая, — хладнокровно согласился Соколов, тоже погладил ладонью корпус корабля и бодро сказал: — Что ж, сквозят тернии — к звездам!

Корабль будто услышал его призыв; с пугающей медлительностью в его корпусе раздвинулась, будто прорезалась, входная дверь, и мягко осветилась кабина внутреннего, корабельного лифта.

...В этот самый момент Лорка скорее услышал, чем почувствовал, позади себя легкое движение, обернулся и увидел улыбающегося Аргоняна. Гаспар Тагорович был старчески массивен, по-рембрандтовски выразителен и медлителен в движениях. У него были умные, насмешливые, близко посаженные глаза, небольшой рот с полными, чувственными губами и большой мясистый нос, который с некоторой натяжкой можно было назвать орлиным.

— Здравствуй, командир, — певуче сказал он и, ласково приобняв за плечи, посадил на старое место поднявшегося ему навстречу Лорку.

— Здравствуй, Гаспар Тагорович.

Они были старыми знакомыми, собственно, все экипажи гиперсветовых кораблей были Аргоняну старыми знакомыми, но, помимо этого, несмотря на большую разницу в годах, они еще чисто по-человечески симпатизировали друг другу.

Неторопливо, основательно усевшись на свое рабочее место, а только с этого места начальник порта вел свои дела с командирами кораблей, Аргонян принялся с улыбкой разглядывать Лорку.

— Все такой же красивый и сильный. И все такой же бродяга и непоседа. Разве можно так часто оставлять одну молодую жену-красавицу?

— Приходится. А то у тебя все корабли разворуют, Гаспар Тагорович.

Скрывая смущение, Аргонян раскатисто откашлялся, но Лорка безжалостно продолжил:

— Как же это ты не уследил за «Вихрем»? Такой был корабль!

Аргонян покачал головой.

— Какая невоспитанная молодежь! Неделикатная, жестокая! — Он шумно вздохнул и, сменив тон, печально сказал: — Недоглядел, проворонил. Наверно, старый стал, на Землю пора, в Дом заслуженных космонавтов, на покой.

Он сердито шевельнул густыми черными бровями.

— Но подумай сам, кто мог представить, что в наше просвещенное, интеллигентное время существуют космические жу-

лики-рецидивисты? Ума не приложу, как, под каким соусом они в порт проникли? Прямо невидимки какие-то, духи астральные!

И непривычно серьезно, даже подозрительно взглянул на Лорку.

— Скажи по совести, тебе не страшно идти на Кику?

— Страшновато. Да ведь не первый раз, справимся.

— И еще один вопрос... — Аргонян облокотился на стол, спросил тихо: — Скажи, Федя, только по совести, почему ты не берешь с собой живности? Кошечку, собачку, попугая? В прежние рейсы ты всегда брал кого-нибудь.

Лорка улыбнулся, щуря свои зеленые глаза, уважительно проговорил:

— Ох и хитрый ты человек, Гаспар Тагорович.

— Должность, понимаешь ли, такая. Ну, ну?

Помолчав, Лорка коротко рассказал Аргоняну о своем ориентировочном предположении, что кикиане, пользуясь земными кораблями, могли заслать на базы да и на саму Землю искусно сделанных роботов. Но не в облике человека, такой робот, по общему мнению, был бы довольно быстро разоблачен — в поведении человека множество нюансов, тончайших физических и психологических штрихов, которые не поддаются моделированию даже людям, изучившим самих себя в совершенстве. Что уж говорить о попытках такого моделирования инопланетянами! На животных же, которые часто гостят на кораблях, обращают куда меньше внимания, да и поведение их гораздо примитивнее.

Лорка заметил, как преобразилось лицо Аргоняна, и замолчал.

— Продолжай! — сердито сказал Аргонян. — Я слушаю.

Лорка пожал плечами.

— Да я уже рассказал. Создание совершенной модели животного-робота не проблема, такие опыты ставились многократно. Такого робота можно наделить дополнительными функциями, вовсе не свойственными настоящему животному. Например, он может собирать и передавать информацию или даже... — Лорка не договорил и выразительно взглянул на Аргоняна.

— Договаривай, зачем стесняешься? Или даже угонять космические корабли из портов, которыми руководят старые растяпы. — Аргонян задумчиво потерел свой мясистый нос и спросил с откровенным интересом: — Слушай, а ты действительно веришь, что такое возможно?

Лорка засмеялся.

— Верить можно по-разному.

— Ты не крути, говори прямо. Это тебе не любовное объяснение.

Федор задумался. Верил? Пожалуй, нет. Слишком уж нелепо выглядел бы зверь за пультом управления корабля. Не столько разум, сколько все его существо протестовало против такой возможности. Не верил? Тоже нет! Он хорошо знал, как многое, казавшееся людям совершенно невозможным, вдруг становилось не только возможным, но и простым, более того — естественным, и тогда упрямое сердце переставало протестовать против этого. Он не то чтобы верил или не верил,

а просто страховался, чтобы избежать даже маловероятного. Кроме того, кикианские роботы вовсе не обязательно должны иметь постоянный звериный облик. Это могут быть роботы трансформативные, которые в зависимости от обстановки или по команде меняют свой внешний облик. Зверь, человек, инопланетный сапиенс — все это может быть заключено в одной протоформе.

— И как же выглядит эта протоформа? — с интересом спросил Аргонян.

Лорка засмеялся.

— Ты слишком многого от меня хочешь. Я ведь не кикианин.

Щуря свои черные глазки, Аргонян покачал в воздухе поднятым пальцем.

— Ты не крути! Я тебя знаю — не поверю, чтобы у тебя не было каких-то предположений.

Немного поколебавшись, Лорка рассказал ему о встрече с шаровой молнией и о своих разговорах по этому поводу с Игорем Дюком. К его удивлению, Аргонян отнесся к рассказу очень серьезно.

— Скажу тебе по секрету, — хмуро сказал Гаспар Тагорович, — мне как-то докладывали о появлении шаровой молнии в районе космодрома. Но я их высмеял. Шаровая молния на Плутоне? Бред!

Приглядываясь к Аргоняну, Лорка счел нужным оговориться:

— Я вовсе не убежден в истинности своих предположений, Гаспар Тагорович. Просто боюсь, чтобы избежать маловероятного.

— Это ты молодец, — уважительно одобрил Гаспар Тагорович. — Командир! А я вот не подстраховался.

Аргонян шумно вздохнул и, словно осуждая самого себя, покачал головой.

— Плохо, очень плохо. И знаешь, что плохо, Федя? То, что животные — это не люди. И по этой самой печальной причине их никто серьезно не учитывает даже на Плутоне. Ты хоть знаешь, что у нас есть зоопарк?

— Да, бывал как-то.

— Бывал, — презрительно процедил Аргонян. — Это наша гордость! Все, как у настоящих людей. Ты это должен хорошенько понять.

Он погрузстнел и неохотно добавил:

— Конечно, всяких тигров, крокодилов и бегемотов мы не держим. Хлопотно! Все-таки Плутон, а не Копакабана. Но симпатичных птичек и зверюшек у нас немало. Даже еноты есть.

— Почему даже?

— А потому, что лапка у них как рука, — Аргонян для наглядности растопырил свою мясистую пятерню и пошевелил пальцами. — Смешленные, подлецы! Несколько раз умудрились открыть замок. И разбежались! Хорошо помню, что последний раз это случилось как раз накануне угона «Вихря». Понимаешь ситуацию?

— Понимаю, — серьезно сказал Лорка. — Придется тебе, Гаспар Тагорович, произвести всеплутонную перепись зверей и птиц.

— Придется. Я же все время твержу, что бюрократия — это не только беда, но и благо!

Он присмотрелся к Лорке и тяжело поднялся из-за стола, понял, что тот засиделся и начинает нервничать — впереди ведь не что-нибудь, а старт в дальний космос!

— Будем прощаться, Федя.

Приобняв Лорку за плечи, он повел его к двери, но, войдя в полосу нежного света далекого солнца, приостановился, полез в карман и достал брелок с часами.

— Держи. Показывают не только часы, но и день, и месяц, и год. Без этого у нас на Плутоне совсем запутаться можно. Учти, это не просто часы, а талисман, приносящий счастье. Помнишь, я чудом уцелел при аварии вездехода? С тех пор всегда ношу его с собой.

— Спасибо, — Лорка взвесил брелок на ладони и положил в нагрудный карман. — Ты веришь в талисманы, Гаспар Тагорович?

Аргонян засмеялся.

— Ишь ты! Что я тебе, неандерталец или монах? Как это ты очень мудро говорил? Просто боюсь на всякий случай. — Он доверительно понизил голос. — Очень давно жил на свете такой ученый — Нильс Бор. Он собирал на счастье не то копыта, не то подковы, что-то в этом роде. Его спросили, неужели он серьезно верит, что эти штуки приносят счастье. «Нет, — сказал Нильс Бор, — конечно, не верю. Но знаете, говорят, что они приносят счастье даже тем, кто в это не верит!» — И Аргонян расхохотался. Возле самой двери он опять задержался. — Возвращайся, буду встречать тебя, Федя...
